

очарование

# АННА КЭМПБЕЛ

Семь ночей  
в постели  
повесы

Очарование (АСТ)

Анна Кэмпбелл

**Семь ночей в постели повесы**

«АСТ»

2012

УДК 821.111-31(73)

ББК 84(7Сое)-44

**Кэмпбелл А.**

Семь ночей в постели повесы / А. Кэмпбелл — «АСТ»,  
2012 — (Очарование (АСТ))

ISBN 978-5-17-088952-5

О таинственном хозяине замка Крейвен Джозефе Меррике ходила молва как о жестоком чудовище, чья черная душа под стать скандальному происхождению и обезображенному шрамами лицу. Однако у красавицы Сидони Форсайт выбора не было – ради спасения сестры она добровольно предложила себя Джозефу в любовницы... и со временем поняла, какую прекрасную, благородную и искреннюю душу скрывают суровые манеры и ужасные шрамы. Сидони и Меррик полюбили друг друга страстно и беспредельно. Но счастье их под угрозой, ведь девушка вынуждена скрывать тайну, которая может навсегда изменить жизнь ее любимого, а саму ее безвозвратно погубить...

УДК 821.111-31(73)

ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-17-088952-5

© Кэмпбелл А., 2012

© АСТ, 2012

# Содержание

Глава 1	6
Глава 2	14
Глава 3	21
Глава 4	27
Глава 5	33
Глава 6	39
Глава 7	45
Конец ознакомительного фрагмента.	53

# **Анна Кэмпбелл**

## **Семь ночей в постели повесы**

Anna Campbell

SEVEN NIGHTS IN A ROGUE'S BED

Печатается с разрешения автора и литературных агентств Nancy Yost  
Literary Agency и Andrew Nurnberg.

© Anna Campbell, 2012

© Перевод. М.А. Комцял, 2014

© Издание на русском языке AST Publishers, 2016

## Глава 1

### *Побережье Южного Девона, ноябрь 1826 года*

Гроза раскалывала небеса, когда Сидони Форсайт двигалась навстречу своему бесчестию. Лошади дико заржали, и ветхий наемный экипаж, резко дернувшись, остановился. Ветер дул с такой силой, что карета раскачивалась даже после остановки. Сидони едва успела перевести дух, как возница – смутная тень в клеенчатом плаще, с которого стекали потоки воды, – замаячил в темноте, чтобы открыть дверцу.

– Замок Крейвен, мисс! – прокричал он сквозь завесу дождя.

На мгновение ужас перед тем, что ожидает ее в замке, парализовал Сидони. «Замок Крейвен» – воистину трусливый, малодушный.

– Мои клячи не могут долго стоять. Вы точно выходите, мисс?

В душе всколыхнулся трусливый порыв упрямости просить возницу отвезти ее назад в Сидмаут. Если она сейчас уедет, ничего страшного не случится. Никто никогда не узнает, что она была здесь.

«А что же тогда будет с Робертой и ее сыновьями?»

Безжалостное напоминание об опасном положении сестры подтолкнуло Сидони к лихорадочным действиям. Схватив саквояж, она выбралась из кареты и тут же покачнулась под порывом ветра. Не без труда удерживая равновесие на скользких булыжниках, она медленно подняла глаза на возвышающуюся перед ней черную громадину.

Сидони еще думала, что в карете холодно. На открытом пространстве холод был просто леденящий. Девушка съежилась, когда ветер пронизал ее шерстяную накидку. Словно в подтверждение того, что она вступает в царство готических ужасов, сверкнула молния. От последующего за ней громового раската лошади нервно дернулись, зазвенев сбруей.

Несмотря на вполне понятное желание поскорее вернуться к цивилизации, кучер сразу не уехал.

– Вы... того, точно уверены, что вас тут ждут, мисс?

Даже сквозь завывания ветра Сидони расслышала его сомнения. Сомнения, отражающие ее собственные. Она выпрямилась, насколько позволял сбивающий с ног ветер:

– Да. Спасибо, мистер Уоллис.

– Ну, тогда доброго вам здоровья. – Кучер взобрался на козлы и, хлестнув лошадей, пустил их в неровный галоп.

Сидони подхватила саквояж и взбежала по ступенькам невысокого крыльца к тяжелой двери. Остроконечная арка над входом давала мало защиты. Очередная вспышка молнии помогла ей обнаружить дверное кольцо в форме львиной головы. Она ухватила за него рукой в перчатке, подняла и отпустила. Из-за рева ветра и шума дождя стук был почти неразличим.

Она нетерпеливо постучала еще, но никто не спешил открывать. Температура, казалось, упала еще градусов на десять, пока она стояла сгорбившись под секущими дождевыми струями.

Что, скажите на милость, она станет делать, если в доме никого нет?

К тому времени, когда дверь со скрипом отворилась, явив старую женщину, у Сидони зуб на зуб не попадал, она тряслась словно в лихорадке. Порыв ветра подхватил пламя одинокой свечи, и тоненький огонек замерцал.

– Я... – закричала Сидони сквозь бурю, но женщина отвернулась и направилась в глубь дома. Растерявшаяся девушка шагнула за ней.

Она оказалась в необъятном холле, наполненном тенями. Тускло-коричневые гобелены прикрывали высоченные каменные стены. Огонь в массивном очаге не горел, и это не добавляло дому гостеприимства.

Сидони пробрала дрожь, когда холод от каменных плит пола просочился сквозь подошвы ее полуботинок. Дверь позади захлопнулась с каким-то роковым стуком. Вздрогнув, девушка обернулась и обнаружила еще одного старого слугу, поворачивающего тяжелый ключ в замке.

«Что, во имя всего святого, я наделала, приехав в это Богом забытое место?»

С закрытой дверью тишина в доме показалась еще более угрожающей, чем ревущая буря снаружи. Единственным звуком было глухое «кап-кап-кап» с ее промокшей накидки. Страх, верный спутник с тех пор, как Роберта поведала ей о своей беде, свинцовой тяжестью угнездился в животе Сидони. Согласившись помочь сестре, она надеялась, что пытка, какой бы ужасной она ни была, закончится быстро. В этой же мрачной крепости ее охватило страшное предчувствие, что она больше никогда не увидит белого света.

«Прекрати выдумывать всякие глупости», – мысленно велела она себе.

Однако подбадривающие слова никоим образом не успокоили нарастающего приступа паники. Желчь подступила к горлу, пока Сидони следовала за безмолвной экономкой по бесконечному холлу. У нее возникло странное чувство, будто тысячи злых духов скалятся на нее из темных углов.

Онемевшими пальцами Сидони стиснула ручку саквояжа и напомнила себе, какие бедствия падут на голову Роберты, если она потерпит неудачу.

«Я сделаю это. Я смогу».

Да, несмотря на то что она зашла уже так далеко, существует вероятность провала. Этот план с самого начала был рискованным. Сейчас, когда Сидони оказалась здесь одна, без защиты, ей поневоле пришлось в голову, что замысел, разработанный в Барстоу-холле, был большой глупостью, граничащей с безумием. Если бы только сомнения могли помочь ей придумать какой-нибудь иной способ спасти сестру.

Старуха экономка все шаркала впереди. Сидони так закоченела, что с трудом передвигала ноги. Слуга не предложил взять у нее ни накидку, ни саквояж, а когда она оглянулась, исчез так же тихо и бесшумно, как и появился, словно растворился среди замковых призраков.

Сидони и ее неразговорчивая провожатая подошли наконец к двери в противоположной стене, такой же внушительной, как и входная дверь. Старуха толкнула дверь, и та мягко и тихо отворилась на хорошо смазанных петлях. Собравшись с духом, Сидони шагнула в яркий свет и тепло.

Дрожа как осиновый лист, она остановилась у трапезного стола, тянувшегося через всю комнату. С обеих сторон выстроились тяжелые дубовые стулья, потемневшие от времени. Комната предназначалась для шумной компании, но, подняв глаза от столешницы, девушка увидела, что сейчас в ней присутствует только один человек.

Джозеф Меррик.

Незаконнорожденный отпрыск аристократа. Могущественный и удачливый делец, богатый, как Крез. Серый кардинал в политике. И негодяй, который нынешней ночью воспользуется ее телом.

– Господин, тут к вам леди.

Не меняя вальяжной позы на троноподобном стуле на дальнем краю стола, хозяин дома поднял голову.

При первом взгляде на него у Сидони перехватило дыхание. Саквояж выскользнул из онемевших пальцев и шлепнулся на пол. Она быстро опустила глаза, пряча свое потрясение под капюшоном.

Роберта предупреждала ее. Уильям, зять, был беспощаден, понося характер и внешность Меррика. И она, разумеется, как и все, слышала сплетни о нем.

Но ничто не подготовило ее к зрелищу его изуродованного лица.

Сидони до крови закусил губу, сражаясь с порывом развернуться и бежать куда глаза глядят. Но она не может убежать! Слишком многое сейчас зависит от нее. В детстве Роберта была ее единственным защитником. Теперь настала очередь Сидони спасти и защитить сестру любой ценой.

Она неуверенно подняла глаза на пользующегося дурной славой хозяина Крейвена. Меррик был в сапогах, бриджах и белой рубашке с расстегнутым воротом. Сидони оторвала взгляд от смутного намека на мускулистую грудь и заставила себя посмотреть ему в лицо. Возможно, ей удастся обнаружить хотя бы крошечную трещинку в его решимости, какой-нибудь след жалости, который удержит его от этого бесчестного деяния.

Однако при более внимательном взгляде стало понятно, что эта надежда тщетна. Человек, который был настолько беспощаден, что заключил эту дьявольскую сделку, едва ли смягчится теперь, когда добыча уже у него в руках.

Густые иссиня-черные волосы, длиннее, чем диктует мода, падали на высокий лоб. Выступающие скулы. Квадратная челюсть, указывающая на надменную самоуверенность. Глубоко посаженные глаза, устремленные на нее со скучающим выражением, которое испугало ее больше, чем мог бы испугать предполагаемый пыл.

Он не был красив даже до того, как какой-то бандит в его таинственном прошлом рассек ему внушительный нос и впалую щеку. Шрам толщиной с ее большой палец тянулся от уха до самого уголка рта. Еще один, потоньше, пересекал надменную черную бровь.

Белая рука грациозно удерживала тяжелый хрустальный бокал. В свете свечей угрожающе сверкнул рубиновый перстень. «Кларет и рубин цвета крови», – подумала Сидони и тут же пожалела об этом.

– Вы опоздали. – Голос Меррика оказался глубоким и таким же апатичным, как и манера поведения.

Сидони ожидала, что будет напугана, но никак не ждала, что еще и разозлится в придачу. Явное отсутствие интереса хозяина Крейвена к своей жертве породило негодование, сильное, как очищающая приливная волна.

– Дорога заняла больше времени, чем ожидалось. – Сидони была так зла, что даже руки у нее не дрожали, когда она откинула капюшон на спину. – Погода не одобряет ваш коварный замысел, мистер Меррик.

Дерзко вскинув непокрытую голову, Сидони испытала мрачное удовлетворение, увидев, как выражение скуки мигом слетело в его лица, сменившись ошеломленным любопытством. Он выпрямился и воззрился на нее через стол.

– Кто вы, черт возьми, такая?

Незнакомка, разрази ее гром, даже не вздрогнула, когда Джозеф раздраженно рывкнул на нее. Лицо под растрепанными волосами кофейного цвета было бледным и чувственно красивым.

Он вынужден был отдать ей должное. Наверняка она была ни жива ни мертва от страха, не говоря уж про холод, однако стояла спокойная, как мраморная статуя.

Впрочем, нет, не совсем. Если приглядеться повнимательнее, на щеках у нее проступили розовые пятна. Девчонка отнюдь не так хладнокровна, как хочет казаться.

И она молода. Слишком молода, чтобы путаться с таким циничным, своекорыстным негодяем, каким был Джозеф Меррик.

Рядом с незнакомкой миссис Бивен заламывала руки:

– Господин, вы сказали, что ждете даму, и когда она постучала...

– Все в порядке, миссис Бивен. – Не сводя глаз со своей гостьи, Меррик взмахом руки отпустил экономку. Ему следовало бы разозлиться, что его настоящая добыча избежала силков, но любопытство взяло верх. Так кто же эта несравненная? – Оставьте нас.

– Но вы ожидали нынче другую леди?

Губы его скривились в улыбке.

– Думаю, нет. – Он окинул безмолвную девушку оценивающим взглядом. – Я позвоню, когда вы понадобится, миссис Бивен.

Недовольно ворча себе под нос, экономка удалилась, оставив его наедине с гостьей.

– Я так понимаю, прекрасная Роберта чем-то занята, – проговорил Меррик вкрадчивым тоном.

Полные губы девушки сжались. Должно быть, у нее, как и у всех, вызывали отвращение его шрамы, но, не считая несколько одеревенелой позы, держалась она замечательно. Леди Роберта знает его много лет и все равно при каждой встрече дрожит от ужаса.

Злость помимо воли омрачила ему настроение. Он уже предвкушал, как научит жену своего кузена выносить его присутствие, не страдая мигренью. Появление сей надменной красавицы разбило эти надежды. Он праздно гадал, предложит ли она соответствующую компенсацию за его разочарование. Трудно сказать. Невозможно почти ничего разглядеть под этой поношенной накидкой, с которой на пол натекли лужи воды.

– Меня зовут Сидони Форсайт, – вызывающе представилась девушка и гордо вздернула голову. Он был слишком далеко, чтобы рассмотреть цвет глаз, но знал – они негодующе сверкают. Обрамленные тонкими изящными бровями, глаза были большими и чуть-чуть раскосыми, придавая лицу экзотичности. – Я младшая сестра леди Холбрук.

– Мои соболезнования, – сухо отозвался Джозеф. Теперь он понял, кто перед ним. Он слышал, что незамужняя сестра Форсайт живет в Барстоу-холле, родовом имении кузена, хотя никогда прежде с ней не встречался.

Он попытался отыскать какое-нибудь сходство Сидони с сестрой. Роберта, виконтесса Холбрук, была признанной красавицей, но в традиционном английском стиле. Эта девушка с темными волосами и ореолом нетронутой чувственности – нечто совершенно иное. Он был заинтригован, но ничем не выдал своего интереса, сделав вид, будто ее приезд – скучнейшее событие.

– А где же леди Роберта в эту славную ночь? Если я не ошибся в дате, мы условились провести неделю в компании друг с другом.

Искорка торжества осветила лицо девушки, отчего ее темная красота зажглась как факел.

– Моя сестра для вас недоступна, мистер Меррик.

– Зато вы доступны. – Он приправил свою улыбку угрозой.

Ее короткое самодовольство испарилось.

– Да...

– Догадываюсь, что вы предлагаете себя вместо нее. Весьма любезно, хотя и несколько самонадеянно полагать, что любая случайная женщина удовлетворит моим требованиям. – Он отпил вина с безразличием, нацеленным на то, чтобы разозлить эту девчонку, которая расстроила его нечестивые планы. – Боюсь, это не ваше обязательство. Ваша сестра наделала картонных долгов – не вы. А впрочем, хоть и вы очаровательны, я уверен.

Ее изящное горло дернулось, когда она сглотнула. Да, определенно нервничает, хоть и храбрится. Он не настолько хороший человек, чтобы пожалеть эту отважную девушку. Но с некоторым замешательством Джозеф поймал себя на том, что в душе у него шевельнулось сочувствие. В свое время и он был молод. Он вспомнил, каково это – притворяться смелым, когда сердце сжимается от страха.

Он безжалостно задвинул нежелательное переживание в дальний угол, где держал закрытыми все свои дурные воспоминания.

– Я – ваша плата, мистер Меррик. – Голос Сидони прозвучал впечатляюще холодно. Brava, incognita! – Если вы не возьмете свой выигрыш с меня, долг станет спорным.

– Так говорит Роберта?

– Честь требует...

Он резко, надтреснуто хохотнул и увидел, что девушка наконец дрогнула – от его издевки, а не от уродливого лица.

– Честь не имеет власти в этом доме, мисс Форсайт. Если ваша сестра не может расплатиться своим телом, то должна заплатить обычным способом.

Ее тон ожесточился.

– Вам прекрасно известно, что моя сестра не в состоянии покрыть свои расходы.

– Это трудности вашей сестры.

– Я подозреваю, вы знали, что она не сможет устоять перед соблазном, когда заманивали ее в игру. Вы используете Роберту, чтобы насолить лорду Холбруку.

– Ах, какое жестокое обвинение, – проговорил он с наигранным испугом, однако ее предположения были верны. Он не намеревался в ту ночь заманить Роберту в ловушку адюльтера, но представившийся случай ввел бы в искушение даже более нравственного человека, чем Джозеф Меррик. Особенно когда он знал, что к презрению Роберты примешивается здоровая порция физического влечения. – Предложить себя в качестве замены – чертовски сильная демонстрация сестринской любви.

Девушка не ответила. Он встал и медленно двинулся к ней.

– Прежде чем согласиться на эту замену, я должен увидеть, что получаю. Мозги у Роберты, может, и куриные, но вот все остальное весьма и весьма... гм... впечатляющее.

– У нее не куриные мозги. – Мисс Форсайт чуть попятилась, потом остановилась и подозрительно спросила: – Что это вы делаете, мистер Меррик?

Он продолжал приближаться.

– Разворачиваю свой подарок.

– Развора?.. – На этот раз она попятилась, не скрывая испуга. – Нет!

Губы его скривились в сардонической насмешке.

– Вы собираетесь оставаться в своей мокрой накидке всю ночь?

Краска на ее щеках проступила отчетливее. Она и в самом деле недурна собой – кремовая кожа, полные губы. Теперь, когда Джозеф был достаточно близко, чтобы заглянуть ей в глаза, он увидел, что они фиалково-коричневые и бархатистые, как анютины глазки. В нем шевельнулся мужской интерес. Не настолько сильный, как возбуждение, но достаточно настойчивый, чтобы вскоре превратиться в чувственный голод.

– Да. То есть нет. – Она подняла дрожащую руку в черной кожаной перчатке. – Вы пытаетесь запугать меня.

Он продолжал улыбаться.

– Если и так, то, я бы сказал, у меня это получается.

Мисс Форсайт выпрямилась. Она оказалась довольно высокой, но ей все же было далеко до его шести футов.

– Я же сказала вам, зачем я здесь. Я не стану сопротивляться. Незачем изображать опереточного злодея.

– Вы будете сносить мои отвратительные ласки, но не позволите мне снять с вас накидку? Это несколько глупо.

Она перестала пятиться исключительно потому, что уперлась спиной в каменную стену. Глаза ее вспыхнули золотистым огнем гнева.

– Не насмехайтесь надо мной!

– Почему же? – лениво поинтересовался Меррик и протянул руку, чтобы развязать завязки на шее.

Она вжалась в стену в тщетной попытке спастись.

– Мне это не нравится.

– Привыкнете. – Руки его скользнули по плечам, почувствовав напряжение под промокшей шерстью. – К тому времени, как мы закончим, вы привыкнете к очень многому.

Сидони обреченно вздохнула, черты ее лица заострились.

– Полагаю, вы правы.

Насмешливость ушла из его голоса.

– Знаете, Роберта этого не стоит.

Мисс Форсайт не отвела взгляда.

– Нет, стоит. Вы не понимаете.

– Боюсь, что нет. – Если девчонка твердо вознамерилась броситься в омут с головой, зачем ему возражать? Особенно когда от нее приятно пахнет дождем и чуть-чуть женщиной. Когда он стащил накидку с ее плеч и та упала на пол мокрой кучей, обнаружилось, что под ней прелестные формы, словно созданные для его рук.

Она тихо ахнула, оставшись без накидки, и стояла, дрожа, но при этом воинственно выпятив подбородок.

– Я готова.

– Сомневаюсь, bella. – Он повнимательнее пригляделся к ее одежде и спросил с неподдельным ужасом: – Что это на вас надето?

Взгляд, который она метнула, свидетельствовал об острой неприязни.

– А что вам не нравится?

Он неодобрительно оглядел белое муслиновое платье с оборками, слишком маленькое для нее, слишком легкое для такой ненастной погоды, слишком немодное, слишком... в общем, все слишком.

– Ничего, если вы одеты, чтобы играть жертвенную девственницу.

– Почему же? – спросила она с горячностью. – Я ведь девственница.

Он закатил глаза.

– Ну разумеется. Тогда почему вы вручаете мне свою девственность, а не даете своей глупой сестрице самой расхлебывать кашу, которую она заварила.

– Вы ведете себя оскорбительно, сэр.

Он усмехнулся. Девушка оказалась куда забавнее, чем Роберта. Роберта уже устроила бы ему истерику. Однако невозможно представить, чтобы эта сдержанная богиня прибегла к такому средству. Быть может, ему, в конце концов, повезло. Его затаившееся раздражение из-за интриг Роберты, утихающее под влиянием дерзкого вызова этой прелестной девушки, исчезло без следа. Заманить Роберту в ловушку было делом отнюдь не сложным, хоть перспектива наставить рога своему презренному кузену и представлялась весьма привлекательной. Соблазнение же Сидони Форсайт обещало воистину прекрасное развлечение.

– Это мое лучшее платье, – надменно заявила мисс Форсайт.

Он насмешливо подергал обвисшую оборку вокруг выреза.

– Возможно, когда вам было пятнадцать. – Взгляд его заострился. – А сколько вам вообще-то лет?

– Двадцать четыре, – пробормотала она. – А вам?

– Слишком стар для вас. – В свои тридцать два он был ненамного старше по годам, но на миллион лет старше по опыту. И в этот миллион лет он не был образцом благоразумия.

Ее лицо осветилось внезапной надеждой.

– Это означает, что вы меня отпустите?

На этот раз он рассмеялся в открытую.

– Ни за что на свете.

Она побледнела от страха. Он обнял ее одной рукой за плечи, голые под тонким лифом. При соприкосновении что-то необъяснимое произошло между ними, словно пробежала искра. Когда она вскинула на него испуганные глаза, он погрузился прямо с головой в их бархатистые глубины. Она задрожала, и он ослабил и смягчил объятие.

– Чего вы ждете? – выдавила девушка сквозь зубы.

Высечь его мало за то, что он ее мучит, но Джозефа по-прежнему одолевало любопытство. Он поднял другую руку к подбородку и повернул ее лицо. Так близко он различал каждую ресничку и золотистые ободки вокруг зрачков. Ноздри ее раздулись, словно она вбирала его запах точно так же, как он вбирал ее.

Или, быть может, она так напугана, что не может дышать?

– Вопрос в том, будет ли соращение невестки моего врага таким же запоминающимся, как соращение его жены? – промурлыкал он.

– Ублюдок... – прошипела она, обдав его лицо теплым дыханием.

Он улыбнулся, когда глаза ее расширились от страха.

– Совершенно верно, *belladonna*.

Он медленно наклонился и прильнул ртом к губам девушки. Запах дождевой свежести ударил в ноздри, вскружив голову нетерпеливым ожиданием. Она не отстранилась, но губы оставались плотно сжатыми. Атласное тепло опьянило Джозефа.

Он скользнул губами по ее губам, скорее, в некоем намеке на поцелуй, чем в настоящем поцелуе. Даже когда кровь вскипела в жилах, настаивая, чтоб он овладел ею, что она здесь именно для этого, Джозеф Меррик сохранил соприкосновение легким, дразнящим. И не сжимал объятий, чтобы удержать ее. Агония неопределенности граничила с наслаждением, пока он ждал, когда она вырвется, проклиная и понося его. Но она оставалась неподвижной, как фарфоровая статуэтка.

Не более чем через мгновение Меррик поднял голову, потрясенный тем, что ему не хотелось прерывать этот невыразительный поцелуй. Он судорожно вздохнул, противясь сильнейшему порыву поцеловать ее как следует. Едва ли соращение невестки лорда Холбрука доставит ему большое удовлетворение, но у него было нехорошее чувство, что это сомнение его не остановит.

Глаза ее были большими и темными от потрясения. Потому что он поцеловал ее? Или потому что на один краткий миг ей это понравилось?

– Ну, что же вы медлите? – Голос ее осип. – Кончайте уже с этим.

Джозеф укоризненно постучал по щеке девушки указательным пальцем.

– Я еще не обедал, – мягко отозвался он и отпустил ее.

Она покачнулась, но довольно быстро обрела равновесие. Дыхание неровными вздохами вырывалось из приоткрытых губ. Он предпочитал ее гнев уязвимости. Помимо воли ее уязвимость разъедала его безжалостность, как ржавчина железо.

– Составите мне компанию?

Она бросила на него взгляд, полный вполне заслуженной ненависти.

– Я не голодна.

– Жаль. Сегодня вам понадобятся силы.

Не дожидаясь, когда до нее дойдет смысл сказанного, он сел и позвонил в колокольчик. Миссис Бивен появилась подозрительно быстро. Должно быть, подслушивала под дверь. Впрочем, развлечения так редки в замке Крейвен, что Джозеф не винил ее.

– Можете подавать обед, миссис Бивен, – бодро распорядился он, за что удостоился озадаченного взгляда своей экономки.

– Слушаюсь, господин. А для вашей дамы?

Мисс Форсайт осталась стоять там, где он поцеловал ее. Она вновь походила на мраморную статую, но теперь, прикоснувшись к ней, он знал, что она из плоти и крови, – о да!

– На двоих?

Девушка не отреагировала. Боже милостивый, неужто его поцелуй связал ее язычок? Он надеялся убедить ее вновь воспользоваться им. И не для пустых разговоров.

Джозеф обратился к миссис Бивен:

– Нет, на одного. Прошу вас, покажите леди ее покои, а обед может подать мне мистер Бивен.

– Хорошо, господин. – После коротких колебаний экономка зашаркала прочь, а девушка подхватила свой скудный багаж и последовала за ней.

Как бы Джозефу хотелось быть там, когда мисс Форсайт обнаружит, что в этом ветхом обиталище ее покои – это и его покои тоже.

## Глава 2

Сидони съежилась под одеялом в огромной кровати под балдахином. За окнами бушевал ветер, кидаясь на стены замка. От его рева она чувствовала себя еще более беззащитной. Страх преследовал ее с тех пор, как два дня назад в Барстоу-холле Роберта пришла к ней и взмолилась о помощи. Страх стискивал внутренности и комом стоял в горле.

Идти на попятный было уже поздно. Что бы ни сделал Меррик с Сидони, это не может сравниться с последствиями, если Уильям обнаружит, что жена была в постели с его врагом. Безрассудство Роберты поставило под угрозу их всех: Сидони, Роберту и ее детей – Николаса и Томаса.

Но как Сидони сдержать свой гнев? Роберта была ей больше матерью, чем сестрой, когда они жили под опекой равнодушных родителей. Затем Роберта сменила холодную отцовскую тиранию на жестокость мужа. За восемь лет брака Роберта из жизнерадостной нежной девушки превратилась в издерганную тень. Прежняя веселость проглядывала в ней, лишь когда Роберта выигрывала за карточным столом.

Когда карта шла ей, Роберта совершенно забывала о последствиях. Нетрудно было представить, как Джозеф Меррик ловко заманивал ее в омут игры, пока наконец жена врага не оказалась в его власти.

Из гордости и чтобы избежать губительного скандала, и Уильям и Роберта держали неблагополучие своего союза втайне от света. Джозеф Меррик мог и не представлять, какими бедами грозит невинным, когда принимал расписки леди Холбрук. Или догадывался, но ему было наплевать.

Поэтому теперь Сидони ждала в постели Джозефа Меррика, как жертвенная овечка. Она догадалась, что это покои Меррика, хотя единственным свидетельством его присутствия был набор тяжелых серебряных щеток на туалетном столике и какой-то едва уловимый запах, державшийся на постельном белье и в воздухе.

Когда он поцеловал ее там, внизу, то словно оставил в ее чувствах какой-то след, и это ей не нравилось. Это пугало ее почти так же сильно, как и то, что должно произойти в этой сверкающей комнате. Когда Сидони представляла, как он вдавликает ее в матрас своим мощным телом, она готова была закричать.

Комната, в которой она находилась, не приносила успокоения. Напротив, лишь усугубляла растущий страх и вместе с тем озадачивала ее. Такой в высшей степени странной комнаты ей еще видеть не доводилось. Золото было повсюду: на резной старомодной мебели, на настенных бра и канделябрах, в поблескивающих металлических нитях портьер и ковров. Всюду Сидони видела себя, отражающуюся в бесконечном множестве зеркал. Позолоченные зеркала, развешанные по стенам вместо картин. Псише – большое зеркало в подвижной раме – в каждом углу. Зеркала над туалетным столиком, над комодом, между дверцами гардероба. Но самым удивительным и пугающим было большое зеркало, подвешенное над кроватью.

Это свидетельство тщеславия ее деятельного хозяина озадачивало Сидони. Его небрежная одежда не указывала на чрезмерное самолюбие. Наверняка любой нормальный человек избегал бы любоваться с такой одержимостью своим уродством.

Как отражение в вышине, она видела бледную девушку, лежащую прямо и неподвижно, как труп, под тяжелым одеялом, золотым, разумеется. Густые каштановые волосы зачесаны назад и заплетены в толстую косу, перекинутую на грудь. Девушку, лежащую в одиночестве. Мистер Меррик, похоже, не спешил заявить права на свою добычу.

Сначала Сидони сидела, прямая, как шомпол, на стуле, но в промокшем платье очень скоро начала дрожать и переоделась в ночную рубашку. Время шло, отмечаемое часами из

золоченой бронзы на шифоньерке, и она забралась в кровать. Какой смысл оттягивать неизбежное?

Она мрачно гадала, проявил бы Меррик больше пыла, если бы вместо неопытной незнакомки здесь появилась ее сестра. Разумеется, он заманивал сюда Роберту не потому, что пылал к ней страстью. Он замыслил эту интригу, чтобы взять верх над своим кузеном – лордом Хилбруком. Это просто очередной жестокий поединок между заклятыми врагами.

Стиснув одеяло, Сидони призвала на помощь все свое самообладание. Но смелость ее дрогнула, когда она представила, как Меррик проталкивается в нее. Будет ли он ждать, чтоб она разделась? Должна ли она будет... дотрагиваться до него? Поцелует ли он ее снова? Как ни нелепо, но это ей самой казалось большой угрозой. Его поцелуй привел ее душу в смятение. Он был целомудренным, как поцелуй ребенка. Хотя тот факт, что Меррик уже давно не ребенок, лишал его искренней невинности.

Ее никогда раньше не целовал ни один мужчина. С желанием.

Как грустно, что ее первый поцелуй случился при таких отвратительных обстоятельствах. Грустно и, как ни стыдно признаться, немного обидно, ибо его поцелуй не был ей неприятен, хотя и должен бы. Поцелуй Меррика скорее заинтриговал ее, чем разозлил. Каково это будет, когда он позволит себе другие вольности – помимо поцелуев?

Нет, она не станет об этом думать. Не станет...

Легче сказать, чем сделать, когда она лежит в постели Меррика.

Хотя ее хозяин уже давно утратил законное право пользоваться именем Меррик. Ему следовало бы носить фамилию своей матери. Джозеф Меррик – сын Энтони, покойного виконта Хилбрука и его испанской любовницы, считавшейся женой. Когда младший брат виконта успешно оспорил их брак, Джозеф был объявлен незаконнорожденным. После смерти Энтони его племянник Уильям унаследовал титул Хилбруков и вражда между Джозефом и кузенком, возникшая еще в детстве, стала ожесточеннее.

Сидони поежилась. Нетрудно себе представить, какой была бы реакция Уильяма, когда бы он узнал, что жена наставила ему рога с его ублюдком кузенком, а ведь наверняка Меррик добивался именно этого. Напоминание о том, что сама жизнь Роберты зависит от того, что произойдет в этой постели, укрепило решимость Сидони. До тех пор пока дверь не открылась и Джозеф Меррик не возник в дверном проеме этой освещенной свечами комнаты.

Глубинный женский страх, густой и тягучий, как смола, угнездился в желудке Сидони, когда она приподнялась на подголовник. Меррик, прислонившийся к дверному косяку со скрещенными на крепкой груди руками, показался ей невозможно большим. Свет свечей мерцал на его изуродованном лице, придавая ему сатанинский вид.

В одних только бриджах и рубашке он должен был бы ужасно мерзнуть. Вероятно, у него какое-то сверхчеловеческое сопротивление холоду. Даже несмотря на пылающий в камине огонь, Сидони была рада золотому одеялу, которое согревало ее. И скрывало от его взгляда. Что было глупо. До конца этой ночи он сделает гораздо больше, чем просто посмотрит на нее.

Хозяин замка разглядывал ее с тем же изучающим любопытством, которое она заметила еще внизу. Она не представляла, о чем он думает? Он мотнул головой в сторону подноса на туалетном столике:

– Вы почти ничего не ели.

– Нет. – Нервозность лишила ее аппетита. Она не ела с самого завтрака, когда через силу заставила себя проглотить кусочек тоста и выпить чаю. Сидони сглотнула, чтобы смочить пересохшее горло, и постаралась придать голосу спокойствия, которого не было и в помине. – Было очень любезно с вашей стороны прислать мне еду.

Он пожал плечами, как будто это была ничего не значащая ерунда. В последние годы Сидони видела мало проявлений доброты и научилась ценить ее. Он прислал еще и горячую

воду. После целого дня пути она чувствовала себя уставшей и измотанной – умывание чудесным образом восстановило ее силы.

– Не сочтите мое замечание за комплимент, но то, что вы делаете, – самая настоящая глупость.

Меррик разглядывал ее так пристально, словно намеревался выудить из нее все самые сокровенные тайны. Одна из этих тайн давала ей больше власти над ним, чем он мог себе представить. Дурное предчувствие затопило ее, стянув в тугой узел внутренности, уже и без того сжавшиеся в комок от страха. Знание, которым она обладала, было опасным, а в глубине души она знала, что как враг Меррик грозен и беспощаден.

Сидони села, прижимая золотое одеяло к груди.

– Под глупостью вы подразумеваете мое намерение переспать с вами? – язвительно спросила она.

В награду за свою резкость она получила кривую улыбку. У него был красивый рот, выразительный, достаточно щедрый, чтобы намекать на чувственное мастерство за пределами ее познаний.

– Что будет, когда вы выйдете замуж? Как вы объясните своему мужу отсутствие у вас девственности?

– Я никогда не выйду замуж, – ответила Сидони твердо, с абсолютной убежденностью. И приготовилась к возражениям. Для большинства людей непонятно: как женщина может хотеть оставаться незамужней?

Выражение его лица оставалось нейтральным.

– Полагаю, опыт Роберты отвратил вас от идеи замужества. В интересах справедливости должен сказать: Уильям – плохой представитель мужского пола.

Она вскинула голову.

– Большинство знакомых мне мужчин – плохие представители. Эгоизм, надменность и грубость – похоже, неотъемлемые составляющие мужской натуры.

– Ай-ай-ай. Я краснею за свой пол, – шутливо отозвался он.

– И вы вряд ли являетесь исключением, – горько проговорила она.

– Ваша правда, дорогая леди. – Меррик отлепился от косяка и неспешно подошел к подносу. – Так, что у нас тут?

Сидони нахмурилась, в замешательстве следя за ним взглядом. Его манера поведения не выражала никакой спешки. Она-то была уверена, что он будет настаивать на осуществлении своих прав, едва только войдет. То, что она чувствует, видя отсутствие у него энтузиазма, не может быть досадой. Не так ли? И все же было нечто унижительное в том, что человек, которого ты считала неисправимым распутником, не спешит сделать свое черное дело.

Меррик не оправдывал страшных ожиданий. Роберта описывала его как дьявольского соблазнителя, мужчину, невообразимо уродливого и безобразного. Впервые увидев его лицо, Сидони ужаснулась главным образом потому, что такие шрамы могли быть результатом лишь страшных, мучительных ранений. Теперь же, даже после их короткого знакомства, она видела человека, скрывающегося за этими шрамами. Этот человек не чудовище. Его черты интригуют больше. У него интересное лицо, полное мужественности и ума. Поразительное.

Нервно гадая, в какую игру он играет, она смотрела, как он отрезал пару ломтиков твердого желтого сыра и положил их на крекеры. Для такого крупного мужчины у него были удивительно изящные руки. В неровном свете рубиновое кольцо мрачно вспыхивало – как предостережение. Она ожидала, что почувствует враждебность и страх. И почувствовала. Другие эмоции были менее отчетливыми: любопытство – вне всяких сомнений, настороженное сближение, что-то еще – волнующее и незнакомое.

Жгучий интерес беспокоил гораздо больше, чем страх или неприязнь. Она воспринимала Меррика с какой-то животной остротой, которой никогда раньше не испытывала.

Он протянул ей тарелку. Не задумываясь, Сидони взяла крекер и откусила кусочек, а он тем временем отошел и прислонился к резному столбику в изножье кровати. Тень улыбки играла у него на губах. Глаза ее отметили контур резко очерченной верхней губы, выступающую полноту нижней. Тревожащая смесь страха и острого интереса, которую он пробуждал, посеяла в душе смятение и беспокойство.

– Я думала, что вы... – начала Сидони, но потом усомнилась, разумно ли упоминать о его планах обесчестить ее.

– Могу себе представить. – Он снова протянул тарелку.

Она взяла еще два крекера.

– Почему вы здесь?

– В этой спальне? Фу, мисс Форсайт, вы чересчур застенчивы.

Она покраснела от унижения.

– Нет.

Он вернул тарелку на поднос и налил два бокала кларета.

– Вы имеете в виду – в замке Крейвен?

– Да. – Она взяла бокал и сделала глоток. Потом еще один. Приятное тепло чуть приглушило тревогу. Рука, стискивающая одеяло с такой силой, что побелели костяшки, расслабилась. – Не удобнее было бы соблазнить Роберту в Ферни?

Несколько лет назад Меррик купил Ферни – имение, примыкающее к обветшалому величественному Барстоу-холлу. А потом истратил целое состояние, создавая резиденцию, достойную виконта. Да что там виконта – самого принца. Сидони никогда не была дальше ворот Ферни, но в сравнении с тем, что она видела снаружи, Четсуорт походил на лачугу. Соседи постоянно сплетничали о великолепии дома, хотя у них хватало ума делать это не в присутствии Уильяма. Сидони восхищалась дерзостью неизвестного Джозефа Меррика. Он ни на минуту не давал ее зятю забыть о том факте, что во всех смыслах, за исключением наследства, лорд Холбрук – полнейший неудачник в сравнении со своим кузеном.

Слабая улыбка еще играла на губах Меррика, когда он, положив на тарелку еще крекеров, протянул ей.

– Даже самый медлительный из мужей вернул бы свою заблудшую женушку, когда б ему нужно было всего-навсего пересечь границу имения.

Она взяла тарелку и поставила на свои поднятые колени. Для этого ей пришлось отпустить одеяло. Меррик, похоже, не заметил, как оно обвисло у нее на груди.

– Возможно, вы правы. – Она расправилась с парочкой крекеров. – И вероятно, вам доставляет удовольствие готическая атмосфера этого места.

– Подобное никогда не приходило мне в голову.

Сидони бросила на него скептический взгляд и глотнула еще вина. Бокал уже был наполовину пуст. Как это случилось?

– Вы пытаетесь напоить меня?

– Нет. – Меррик поднял свой бокал в безмолвном тосте.

– У вас не выйдет.

– Что не выйдет?

– Размягчить меня вином.

– Рад это слышать. Не хотелось бы думать, что вы настолько незрелы, чтобы попасться на этот старый трюк. – Он забрал у нее опустевший бокал и поставил его на стол рядом со своим. – Вы поели?

– Да, спасибо. – Сидони передала ему пустую тарелку, полагая, что будет холодной и гордой, когда он решит лишить ее девственности. Вместо этого чувствовала себя сбитой с толку и удивительно благожелательной по отношению к мистеру Меррику. Нет, ей, конечно,

не хотелось, чтоб он сделал... это. Но в душе у нее больше не было того праведного гнева, который до сих пор поддерживал ее.

Возможно, вино все-таки сделало свое дело. Да еще эта его скромная, ненавязчивая доброта, желание убедиться, что она не голодна. Бедная глупая Сидони Форсайт, отдающая свое целомудрие за несколько кусочков деревенского чеддера!

Нет, эта слабость опасна. Если она уступит без возражений, то никогда не сможет жить в мире с собой.

– Прекратите играть со мной, – потребовала она с внезапной резкостью.

Потом с излишней силой откинула одеяло и вытянулась на кровати, устремив застывший взгляд в зеркало. Мужчина, которому нравится наблюдать за собой, когда он с женщиной, заслуживает презрения. Господи, да этот человек даже не пытается скрыть, какой он неисправимый сластолюбец.

Трудно было хранить неодобрительное молчание, когда негодяй, вознамерившийся лишить ее девственности, расхохотался.

– Боже милостивый, мисс Форсайт, вы отчаянно нуждаетесь в хорошем совете относительно вашего гардероба.

– Это всего лишь моя... моя ночная сорочка. – Она не могла заставить себя посмотреть на него.

Сердце ее тревожно екнуло, когда он подошел ближе.

– В ней хватит места для шестерых.

Сидони метнула в него раздраженный взгляд.

– А вы ждали, что я буду вообще без ничего? Ночь слишком холодная, не говоря уж про все остальное.

Мистер Меррик подверг ее пристальному, тщательному изучению. Она не сомневалась, что он представляет ее голой, да она и сама виновата, что упомянула о такой возможности. Ее всегда предупреждали, что несдержанность в словах непременно доведет ее до беды. А сейчас она определенно в беде. И не только потому, что манера поведения мистера Меррика в мгновение ока из безразличной превратилась в заинтересованную.

Эта мимолетная оценка ее тела длилась всего несколько секунд, и все же каждый дюйм ее кожи пылал. Живот подвело с болезненной смесью стыда и невольного возбуждения. Она встретилась с его взглядом и тут же сильно пожалела об этом. Хищный блеск в глазах был очевидным.

– Ну, между наготой и этой палаткой, которая на вас, довольно пространства для маневрирования. – Взгляд его заострился. – Вы думали, что я спасую перед всей этой фланелью?

– Должна же я была хоть как-то защититься, – пробормотала Сидони, снова уставившись в зеркальный потолок. Хотя, говоря по правде, ей даже не пришлось в голову взять с собой что-нибудь еще, кроме своей обычной ночной сорочки.

– Вы недооцениваете стимулирующую силу воображения, – сухо проговорил Меррик. – Меня увлекает перспектива обнаружения соковок под этой горкой ткани.

В безмолвном ужасе Сидони повернула голову и воззрилась на него. Маска беззаботности и легкой непринужденности упала, и она прочла на его мрачном лице чувственный голод. Между ними возникло какое-то осязаемое напряжение. В пронзительной тишине стук дождя по стеклу казался неприятным, нервирующим вторжением.

– Снимите ее, – тихо велел он.

Боже милостивый!..

Время пришло. Ну разумеется. Она ведь появилась на пороге Крейвена, предлагая себя его хозяину. Едва ли он откажется от ее предложения ради тихого вечера в компании с интересной книгой. Медленно, с колотящимся в панике сердцем, она села. Трясущимися руками нашарила подол сорочки. На один короткий миг все скрылось за толстой фланелью, а в следу-

ющий она уже была свободна. Вызывающим жестом швырнула сорочку на пол, не желая встречаться взглядом с Мерриком, как и не желая выдать свое унижение, прикрываясь руками.

Теперь истинная порочность этой зеркальной комнаты ударила как молоток по меди. Как бесконечное эхо этого звенящего удара, всюду, куда ни глянь, она видела свое обнаженное тело. Снова и снова. Бледная кожа. Торчащая грудь. Голые ноги.

Отраженный сотни раз, Меррик возвышался над ней – огромный, властный, мужественный. В свете свечей его свободная рубашка светилась сверхъестественной белизной. Он не шелохнулся с тех пор, как она сняла сорочку, но напряжение в его длинном теле говорило о том, что любая ее мольба о милосердии останется безответной. Его поза выражала охотничью готовность.

Молчание тянулось до тех пор, пока ей не захотелось закричать.

Сидони повернулась и посмотрела на него. В чертах Меррика явственно читалось то, что даже она при всей своей невинности узнала как возбуждение. Глаза на угловатом лице горели серебристым блеском. Это был уже не тот апатичный человек с сардонической усмешкой, который кормил ее импровизированным ужином. Этот мужчина жаждал чувственных удовольствий.

Страх клубком свернулся у нее в животе. Страх и непрошеное любопытство. Когда Сидони смотрела на Меррика, по телу ее растекался какой-то неведомый доселе жар. С тех пор как она согласилась занять место Роберты, Сидони твердила себе, что в этом испытании она сохранит если не девственность, то по крайней мере самоуважение нетронутым. Эти же сверкающие глаза давали понять, что самоуважение станет первой жертвой их безрассудной сделки. Она натужно стиснула пальцами простыню. Как туго натянутая струна, Сидони боялась, что разорвется надвое, если он дотронется до нее.

Мускул задергался у него на щеке, а руки сжались в кулаки, когда его лениво медлительный взгляд задержался на ее груди. Секунды сливались в обжигающий огонь. К своему стыду, Сидони почувствовала, как соски у нее затвердели. Глаза Меррика – разрази его гром! – понимающе сузились, а губы скривила самодовольная улыбка. Он знал, что не противен ей, точно так же, как она желала, чтобы это было не так.

Его пылающие глаза опустились на треугольник каштановых волос между ног. Он как будто дотронулся до нее там. Расплавленный жар растекся в животе, заставив ее охнуть от удивления. Она сжала бедра и прикрылась рукой.

– Прекратите, – прошептала Сидони голосом, сиплым от непролитых слез.

Меррик, казалось, не слышал. Шагнул ближе и положил руку ей на затылок. Сидони вздрогнула и замерла. Сквозь растекающееся тепло она почувствовала легкую шершавость мозолистых пальцев. Через несколько мгновений колебания он легко пробежал ладонью вниз по шее, к пульсирующей жилке у горла. Каждый нерв встрепенулся, и плавящееся ощущение сделалось шире, глубже, пробуждая в ней какой-то странный, неведомый отклик. Инстинкт требовал отстраниться, натянуть одеяло, спрятаться.

Гордость удерживала на месте.

Эта обжигающая рука спустилась ниже, погладила ее груди. Непрошеное удовольствие, зашипев, вспыхнуло, словно горящее полено, на которое плеснули масла. В тишине было слышно ее неровное дыхание. Даже буря как будто приостановилась в ожидании. Взгляд метнулся к его лицу, на котором Сидони обнаружила желание и еще нечто, похожее на изумление. Сердце пропустило удар, затем больно стукнулось о ребра.

– Ты прекрасна, – хрипло пробормотал он. Нежно обвел сосок, потом обхватил грудь своей большой ладонью.

Это было уже слишком. Девушка не могла вынести этой лживой прелюдии, какой бы сладостной она ни была. Сидони сознавала фальшивость нежности, тогда как в основе их отношений лежало гнусное деловое соглашение.

Сидони набралась смелости взглянуть в зеркало вверх. Тело ее выглядело одеревеневшим, мертвенно-бледным на фоне простыней. Лицо исказилось от страха и решимости. Лихорадочный румянец полыхал на скулах.

– Ну, давайте же, сделайте это. – Она с трудом узнала этот пронзительный голос. – Бога ради, не мучьте меня. Просто... сделайте это.

Довольно долго мужчина, отраженный в зеркале, не шевелился. Затем быстрым плавным движением, от которого ее непослушное сердце пустилось в галоп, схватил тяжелое парчовое одеяло.

– Прошу прощения, мисс Форсайт. – Он больше уже не походил на того потрясенного, искреннего мужчину, который назвал ее прекрасной. Презрительным жестом он набросил на нее одеяло. Потрясение лишило ее дара речи, когда он развернулся и зашагал к двери. – Сегодня мой вкус не распространяется на святых мучениц.

## Глава 3

Сидони Форсайт стояла посреди огромного холла в лужице бледного солнечного света. На ней была тяжелая накидка, а в руке – саквояж.

– Что это, черт возьми, вы делаете? – Джозеф прошагал по каменным плитам пола и остановился в нескольких шагах от нее. Хорошо, что он ранняя птичка, иначе бы опоздал. Он как раз просматривал проспект строительства канала, когда миссис Бивен приковыляла в библиотеку и объявила, что молодая леди просит разрешения воспользоваться его экипажем.

Услышав его гневный вопрос, мисс Форсайт резко развернулась. На лице ее отразилось смятение, и он понял, что они оба вспомнили те воспламеняющие мгновения в его постели. Воспоминание ослепительной вспышкой полыхнуло у него в мозгу. Ее прекрасные глаза потемнели, как ему показалось, от унижения, прежде чем на выручку ей пришел гнев.

– Вы что, никогда не одеваетесь как христианин?

И вновь она удивила его. Ему это понравилось. Понравилось почти так же, как смотреть на ее неприкрытое тело прошедшей ночью. А уж это ему понравилось весьма и весьма.

Он ухмыльнулся.

– Это мой дом. Хочу ходить в одной рубашке – и хожу. А если мне захочется разгуливать по замку совсем голым, смею сказать, это моя привилегия.

Тонкий румянец окрасил ее щеки при упоминании наготы. Этим утром она выглядела бодрее. Должно быть, смогла уснуть после того, как он покинул спальню.

Ему, к сожалению, поспать не удалось.

– Мне все равно, в чем вы ходите. – Спокойная решимость замаскировала волнение. Он мог бы побиться об заклад на приличную сумму, что самообладание было таким же фальшивым, как и обещание высоких прибылей в проспекте строительства канала. – В конце концов, мы с вами больше никогда не увидимся.

– Я бы не придавал очень большого значения данному утверждению, – сухо заметил Меррик. – Это крайне бесчестный ход – улизнуть, не попрощавшись.

– Нам нечего сказать друг другу.

– Вы так полагаете? – Он повернулся к миссис Бивен. – Скажите Хоббсу, что экипаж не понадобится.

– Мистер Меррик... – сдержанно начала мисс Форсайт.

Разрази его гром, если он станет препираться с ней тут, когда его экономка стоит рядом, наострив уши.

– Пожалуй, нам лучше продолжить эту дискуссию в библиотеке.

– Я бы предпочла покинуть ваш дом и считать, что этих презренных часов никогда не было.

– Какой пыл с утра пораньше. – Он подпустил в свой голос скучающие нотки. – Это несколько утомительно.

– Только для мужчины ваших преклонных лет, – огрызнулась она.

Brava ancoга! Он догадывался, как неловко ей в его присутствии после того, что произошло – и не произошло – прошедшей ночью. Однако же девушка не дает ему спуску.

– По крайней мере позвольте мне устроить мои старые кости на мягком диване, пока вы будете обличать меня.

Никакого юмора в ответ. Она продолжала глядеть на него настороженно.

– Я бы предпочла уехать.

– Не сомневаюсь. Но расписки Роберты все еще у меня. Или вы забыли?

Ее потрясающие глаза вспыхнули ненавистью.

– Я не забыла. Я заплатила вам этой ночью.

Он неприятно улынулся.

– Ну, это как посмотреть. – И жестом указал в сторону библиотеки. – Мисс Форсайт?

Она хмуро воззрилась на него. Потом взглянула на миссис Бивен, которая наблюдала за этой сценой с живейшим интересом.

Лицо Сидони еще сильнее порозовело, и она коротко кивнула:

– Пять минут.

Джозеф понимал, что не стоит упираться на свое преимущество или, по крайней мере, следует дожидаться, когда они будут одни. Он открыл дверь и ввел ее в уставленную книгами комнату.

Плечи Сидони заметно напряглись, когда он снял с нее накидку. Белое платье под накидкой было все таким же неприличным. Хотя ему нравилось, как оно натягивается на пышной груди. Словно вновь обхватывая ее совершенную грудь, руки его стиснули грубую шерсть накидки. Уступив соблазну, Джозеф наклонился чуть ниже, чтобы уловить ее свежий запах. Сегодня утром от нее не пахло дождем. От нее пахло лимонным мылом. И тем не менее этот обычный аромат породил бурный вихрь желаний у него в крови. Он бросил накидку на стул и шагнул ближе, чтобы развязать ленточки не идущей ей шляпки. Того, кто выбирал ей одежду, следовало бы четвертовать.

Сидони оттолкнула его руку, и дыхание ее участилось – не то от страха, не то от возбуждения, трудно было сказать. Вероятно, от того и другого.

– Прекратите.

– Просто хочу, чтобы вам было удобно. – Ленточки развязались, он снял шляпу и бросил ее поверх накидки.

– Как будто вам есть дело до моего удобства. Если бы это было так, вы бы отпустили меня. Его губы дернулись, когда он отошел.

– Но это плохо сказалось бы на моем удобстве. – Меррик жестом указал на кожаный стул. – Пожалуйста, присаживайтесь.

Она осталась неподвижно стоять посреди комнаты.

– Нет, благодарю. Я скоро отправлюсь в путь.

Он неспешно прошел к окну и оперся об оконную раму, купаясь в лучах теплого не по сезону солнца. Ночная буря улеглась, и день выдался погожим для ноября. Хотя, как он подозревал, температура здесь, в библиотеке, вот-вот упадет на несколько градусов.

Джозеф устремил на девушку твердый пристальный взгляд.

– Не думал, что вы обманщица, мисс Форсайт.

Выражение лица ее осталось нейтральным, хотя она должна была понять, что он имел в виду.

– Я ни в чем вас не обманула, мистер Меррик.

Тон его был язвительным.

– А как вы назовете попытку уклониться от моего общества после обещанного мне... удовлетворения?

Она побледнела, и рука в перчатке стиснула ручку саквояжа.

– Вы не захотели меня прошлой ночью.

Он вскинул брови с насмешливым недоверием, между тем как распускающееся желание нашептывало ему соблазнительные обещания.

– Даже вы не можете быть настолько наивны.

Она тихо зарычала и развернулась, взметнув тонкие юбки. Он заметил две мелькнувшие точеные лодыжки. Интересно, почему это зрелище оказалось таким возбуждающим, когда он уже видел ее обнаженной?

– Вижу, вы настроены шутить.

Он запрокинул голову и посмотрел на нее поверх горбинки своего сломанного носа.

– Нет, я настроен не дать вам уклониться от исполнения соглашения.

Сидони остановилась и встревоженно посмотрела на него потемневшими глазами. Даже взрослых мужчин отталкивают его шрамы. Почему же, черт возьми, его гротескная внешность не устрашает эту неопытную девчонку?

– Я предложила свои... услуги, вы от них отказались. – Она поставила саквояж на пол и упрямо выпятила подбородок. – Значит, я имею полное право уйти нетронутой.

– Да вы прямо адвокат, мисс Форсайт. Вы использовали подобную софистику и вчера вечером, когда предложили себя вместо своей обманщицы-сестры.

Правда, нельзя сказать, что он мог наскрести хоть каплю сожаления из-за этой замены. Роберта – прекрасное создание, хоть и пустое, и он с превеликим удовольствием затащил бы ее к себе в постель. Но главным образом потому, что знал, что наставляет рога этой мерзкой жабе, своему кузену.

Но сестра Роберты...

Сидони Форсайт – это сокровище, с которым он никогда не встречался. Ну не дурак же он, чтобы оставить его там, где нашел, и уйти, насвистывая.

– Но вы ведь не будете настаивать на полном возмещении. – Неуверенность, которая всегда таилась под ее бравадой, стала явной. – После того, что...

– Надо полагать, вы прибыли, ожидая заплатить долг сполна, – холодно проговорил Джозеф.

Он сложил руки на груди, чтобы не дать себе потянуться к ней. Один смехотворно невинный поцелуй, короткое знакомство с ее шелковистой кожей – и вот уже жажда прикоснуться к ней стала лихорадочной.

– Это безумие. – Как кобыла, почуявшая жеребца, она нервно переступила с ноги на ногу. – Если вы не одолжите мне свою карету, я пойду пешком до Сидмаута и найду транспорт там. Это всего лишь пара миль. – Она повернулась и решительно зашагала прочь.

Он одним прыжком настиг ее и схватил за руку.

– Пойдите.

И тут же даже сквозь рукав вновь возникла та электризующая связь, которую он ощутил ночью, держа в ладони ее обнаженную грудь. Когда она устремила на него испуганный взгляд, он понял, что и она против воли почувствовала то же самое.

Он с трудом удержался от порыва подхватить девушку на руки. Коротко вкусив ее губ, он жаждал большего. Воспоминание о восхитительном теле не давало ему спать всю ночь, а когда удавалось урвать немного сна, она снилась ему. Обнаженная. Податливая. Вздыхающая от наслаждения в его объятиях.

Сидони задрожала под его ладонью.

– Вам незачем давать волю рукам.

– Может, и незачем, но мне определенно нравится, – промурлыкал Джозеф и был вознагражден очаровательным румянцем. Меррик не мог припомнить, когда последний раз общался с женщиной, еще способной краснеть. Те женщины, которые соглашались быть с ним, просто пресытились банальной привлекательностью неизувеченных мужчин. – А как же долг Роберты?

Уверенность мисс Форсайт в своей правоте дрогнула.

– Но я же приехала к вам. Я...

Он старался не обращать внимания на страх в ее голосе. Теперь не время проявлять совесть.

– Впрочем, не важно, – заявил он с напускным безразличием. – Роберта может продать какие-нибудь драгоценности, чтоб заплатить мне.

– Это невозможно. – Он почувствовал дрожащее сопротивление под своей рукой. – Уильям узнает.

А, наконец-то они добрались до сути дела.

– Я на это рассчитываю.

В душе у него все перевернулось от непрошеного раскаяния, когда слезы заблестели на глазах Сидони. Слезы, которые она храбро сморгнула. Точно так же храбро, как предложила себя, чтобы спасти сестру. Сидони Форсайт – замечательная женщина, что никоим образом не могло заставить его отпустить ее.

Странное время, чтобы осознать, что он завидует Роберте. Как чудесно, должно быть, знать такую непоколебимую любовь, что демонстрирует Сидони. Отец Джозефа, без сомнения, любил его. Но отца здорово подкосила тоска по безвременно ушедшей любимой супруге и последовавший за этим скандал.

Сполна познав в своей жизни предательство и отверженность, Джозеф Меррик разуверился в любви. Слишком часто она прикрывает корыстные интересы. Слишком часто оказывается очень тонкой ниточкой, которая рвется от легчайшего нажима. И даже если это мощная, непреодолимая сила, как утверждают поэты, она несет с собой разрушение. И все же Сидони настолько любит свою сестру, что готова ради нее вот так жертвовать собой.

Ба, он становится сентиментальным. Джозеф решительно отогнал совсем не свойственную ему жалость к себе и сосредоточился на леди. Взгляд ее был суровым.

– Вы знаете, не так ли?..

– Что Уильям срывает злость на своей жене? Не знал до сегодняшней ночи. Я долго не спал, ломая голову над вашим поведением. – И чества себя на все корки за то, что гордость погнала его на узкую койку в гардеробной. – Ваш поступок можно понять, только если последствия соблазнения Роберты будут воистину ужасны. А мой кузен всегда имел склонность платить за свое разочарование насилием.

Джозеф вдруг поймал себя на том, что свободная рука непроизвольно потянулась дотронуться до изуродованной щеки. Надеясь, что мисс Форсайт не заметила этого предательского жеста, он заставил себя опустить руку. Тон его ожесточился.

– Я должен был догадаться.

Бедная Роберта. Жизнь с Уильямом, – должно быть, ад на земле. Ее иступленная веселость в обществе теперь вполне понятна: утешается тем, что при людях муж не смеет поднять на нее руку. Джозеф почти простил ее за то, что она вздрагивает от отвращения, едва завидев его.

Мисс Форсайт выглядела подавленной. Голос ее был низким и дрожащим.

– Если вам известны... обстоятельства жизни Роберты, благородство требует от вас простить ей долг.

Губы его растянулись в невеселой улыбке.

– В этой игре благородство, как и честь, не имеет решающей силы. Наверняка вы уже поняли, что я ублюдок не только по рождению, но и по натуре.

Он ожидал, что она передернется от его грубой прямоты, но Сидони посмотрела на него прямо и открыто.

– Если я останусь здесь, моя репутация будет погублена.

С возгласом раздражения – больше на себя, чем на нее, – он отпустил ее руку и вернулся к окну. Она прошла вслед за ним и опрометчиво остановилась слишком близко, вглядываясь в него так пристально, словно искала какое-нибудь свидетельство доброты. Что ж, ей придется искать до скончания века. Общество превратило его в чудовище, и с тех пор он делал все возможное, чтобы соответствовать этому мнению.

– Вы должны были понимать это, когда ехали сюда. – Меррик заставил себя говорить небрежным тоном, как бы сильно близость девушки ни волновала его чувства. Солнечный свет, льющийся в окно, вспыхивал разноцветными искрами в ее роскошных волосах: льняными, золотистыми, рыжеватыми. – Надо полагать, вы сочинили для своих близких какую-нибудь байку, чтобы в ближайшую неделю вас никто не хватился.

– И все равно я не хочу, чтобы мое имя было запятнано.

– Даю вам слово, что наша... связь останется в тайне. – Сарказм сделал его голос более резким. – Радуйтесь, мисс Форсайт. Эту неделю вы свободны.

– Но я не свободна стать женщиной свободных нравов.

Он криво усмехнулся ее находчивому ответу.

– Отчего же нет?

Сидони Форсайт – настоящая Спящая красавица. Боже милостивый, как же ни один мужчина не разглядел ее? Но она и чувственная натура. Он, несмотря на свое изуродованное лицо, умеет доставить женщине удовольствие. И его глубинные инстинкты настойчиво твердили: она будет наслаждаться, как только поборет свои страхи и сомнения.

Сидони оглядела его с нескрываемым презрением.

– И вы вынудите меня делить с вами постель, зная, что единственная причина, по которой я здесь, – это спасти сестру от жестокого обращения?

– Я же сказал вам: мои вкусы не распространяются на святых мучениц.

Взгляд ее оставался каменным.

– Я никогда не приду к вам по доброй воле.

Когда Джозеф схватил ее за руку, вспышка жара едва не лишила его самообладания. Он притянул ее на диванчик в оконной нише рядом с собой.

– Я бы хотел попробовать убедить вас в обратном, bella.

Когда же ее согласие стало таким важным? В тот момент, как он поцеловал ее и уловил намек на то, какой сладкой будет она в его объятиях, когда в конце концов сдастся.

Она попыталась вырваться.

– Только самодовольный фат может надеяться изменить мое мнение всего лишь за неделю. Я не передумаю и за сотню лет.

Он спрятал улыбку. Чувствует ли она эту искрящуюся энергию, вспыхивающую между ними? Он не верил, что пылает один, как бы горячо она ни отрицала это.

– Вы делаете вызов таким восхитительным.

– Я не... флиртую с вами, мистер Меррик. Я лишь даю вам понять, что вы теряете время с этой нелепой затеей.

– В таком случае вы ничуть не пострадаете и благополучно вернетесь к сестре, – спокойно заметил он, ловко стаскивая с нее перчатку. Ему не терпелось дотронуться до ее кожи.

Отразившийся на лице цинизм сделал ее старше двадцати четырех лет.

– Вы ни на минуту не допускаете, что потерпите неудачу, не так ли?

Джозеф поднес ее руку к губам и прижался пылким поцелуем к мягкой ладони. Ее запах ударил в голову, опьяняя его, как первосортное вино.

– Я полагаюсь на свое роковое обаяние.

Сидони потянула свою руку. Щеки ее порозовели от гнева и от того, что его необоснованный оптимизм истолковал как сдержанное удовольствие.

– Если и стоит остаться, то только ради того, чтобы немного сбить с вас спесь.

– Я рад, что вы так думаете. – Он неохотно отпустил ее. Прикосновение к ней путало мысли, а ему, чтобы добиться своего, требовался ясный ум. – Вы забыли о ставке вашей сестры в нашей сделке.

Лицо ее потрясенно вытянулось. Она и вправду забыла о Роберте.

– Стало быть, вы все-таки принуждаете меня.

Он пожал плечами.

– Только остаться в замке Крейвен в качестве гостя. Все остальное – ваш выбор.

Выпрямившись, Сидони воззрилась на него с тем же холодным презрением, которое демонстрировала вчера вечером. Скажет ли она «да»? Его потрясло, как сильно он хочет, чтобы она осталась. К концу этой недели он будет, верно, на грани безумия, ибо одному Богу

известно, как ему удастся держать свои руки при себе, пока она не согласится стать его любовницей.

И все же внутренности у него сжались от мучительной неизвестности, пока он ждал ее согласия.

Сидони сделала судорожный вдох, но заговорила с впечатляющей твердостью для целомудренной девушки, отдающейся в руки негодяя.

– Тогда давайте внесем ясность, мистер Меррик.

Насмешливым жестом он склонил голову.

– Разумеется, мисс Форсайт.

Она явно силилась взять себя в руки. Голая рука на колене стиснула перчатку в безмолвном протесте против того, к чему он ее принуждал.

– В обмен на мое присутствие в замке Крейвен в течение следующих семи дней, точнее шести, поскольку одну ночь я уже провела под вашей крышей, вы вернете расписки Роберты. Ее долг будет полностью оплачен.

– Ваше общество, bella. Не заблуждайтесь, я желаю заполнить вас в свою постель и для этого буду использовать любую возможность. Никакого запираения в высокой башне.

– Я не обману.

– И вы не будете закрываться от меня в своих мыслях.

Она вспыхнула.

– Я не понимаю, о чем вы.

– Прекрасно понимаете. Когда я стану говорить вам о своих намерениях, вы будете слушать. Когда я буду прикасаться к вам – а поверьте мне, tesoro, я буду прикасаться к вам вновь и вновь, как вам и не снилось, – вы не будете противиться удовольствию.

Она метнула в него раздраженный взгляд.

– Вам никак не откажешь в самоуверенности, мистер Меррик. У меня есть выбор?

Его улыбка сделалась лукавой. И торжествующей. Он добился своего. Ну разумеется. В этой конкретной игре он всегда одерживал победу. А что касается того постыдного облегчения, которое он при этом почувствовал... что ж, вполне можно сделать вид, что его вовсе не было.

– А у Роберты есть какие-нибудь драгоценности, о которых Уильям не знает?

Ее губы сжались в тонкую нитку.

– Вы и в самом деле негодяй.

– Даже не сомневайтесь. – На этот раз его охотное признание своей порочности прозвучало фальшиво. Она заслуживала лучшего, чем подобное соглашение, и они оба это понимали. Джозеф вытянул ноги с видом безразличного превосходства.

Сидони резко кивнула, взгляд ее по-прежнему был холоден и суров.

– Договорились, сэра. Я с нетерпением жду, когда уеду отсюда через неделю, сохранив нетронутыми и гордость, и добродетель.

– А я жду с нетерпением ночей невыразимого восторга в ваших объятиях, моя дорогая мисс Форсайт. – Улыбка его стала шире, когда предвкушение победы зазвенело, как фанфары. – И пусть победит сильнейший.

Она метнула в него разгневанный, полный неприязни взгляд, хотя румянец на щеках, задержавшийся после его поцелуя, испортил впечатление.

– Пусть победит сильнейшая, мистер Меррик.

## Глава 4

Что она наделала?

Сидони остается в той же западне, в который и была с тех пор, как Роберта сдалась на ее милость два дня назад. Ей следовало бы знать, что попытка уехать после всего лишь одной ночи потерпит крах. Все то время, что Меррик уговаривал ее, она всячески пыталась избежать своей участи. Но угроза для сестры оставалась первостепенной. В последний раз в припадке ярости Уильям сломал Роберте руку и два ребра. Если он узнает, что жена изменила ему с его заклятым врагом, то убьет ее.

По крайней мере, Сидони отвоевала себе немного пространства, хотя и понимала, что не стоит недооценивать хозяина замка. Меррик сделает все возможное, чтобы затруднить ей задачу сохранить целомудрие. Она уже находит его неотразимым, а ведь он еще даже толком не пытался ее соблазнить. Даже сейчас, когда она дала свое согласие, мысли ее лихорадочно метались в поисках выхода. Но его не было. Лишь пустое утверждение, что она будет держаться за свое целомудрие, как бы он ни соблазнял ее.

«Поверьте мне, *tesoro*, я буду прикасаться к вам вновь и вновь так, как вам и не снилось».

Она подавила трепет, вспомнив эти провокационные слова, обещающие удовольствия, превосходящие даже самые смелые, самые безумные мечты. Трепет страха. И трепет невольного интереса.

– Скрепим нашу сделку рукопожатием? – Он встал и протянул ей крепкую, но изящную руку.

Сидони едва сдержалась, чтоб не сказать ему, что с нее уже довольно его прикосновений.

– Почему бы и нет?

Когда рука его крепко обхватила ее руку, горячее покалывание побежало по коже. Такое же горячее, как и тогда, когда он поцеловал ее ладонь.

Когда Джозеф отпустил ее руку, понимающее выражение его лица лишь укрепило ее решительный настрой сопротивляться. Себе самой она могла признаться, что он каким-то непонятным образом притягивает ее, но твердо намеревалась продолжать открытое неповиновение. И вопреки всему надеялась, что острый язык и неприязнь ее спасут. Впереди маячили шесть бесконечных смятенных дней. Но самое главное – шесть ночей.

Сидони встретила с серебристым взглядом Меррика и с упавшим сердцем призналась себе, что эти шесть дней и ночей могут показаться целой жизнью. Всего пару минут как они заключили сделку, а она уже осознает, как опасно позволять ему прикасаться к ней, когда и как он пожелает. Воспоминание о его пальцах, скользящих по обнаженной коже, затмили для нее все вокруг. Она неловко поерзала на диванчике.

Меррик не делает тайны из своих греховных планов. По крайней мере, он с ней честен. Суровый внутренний голос напомнил ей, что она, напротив, нечестна с ним. Точнее, не вполне честна. Это касалось открытия, которое изменило бы его жизнь навсегда. Она поспешно отвела глаза, словно он мог прочесть ее мысли.

– Вы завтракали?

Она нахмурилась и поднялась, даже если при этом ей пришлось стоять слишком близко от него. Сидя на краешке сиденья, прямая как палка, она чувствовала себя крайне глупо.

– Мистер Меррик, путь к моему сердцу лежит не через желудок.

Он вскинул черные брови:

– Я нацелен отнюдь не на сердце, а на иные части вашего тела, мисс Форсайт.

– О!

Как бы ей хотелось, чтоб он перестал то и дело лишать ее дара речи. Бога ради, что с ней такое? Не мог же он в самом деле одним лишь поцелуем руки разрушить все ее незыблемые моральные устои.

Его большой палец небрежно потерся о тыльную сторону ладони.

– Учитывая, кем мы станем друг для друга, нам вполне можно пренебречь формальностями. Меня зовут Джозеф.

– Подозреваю, что мне удобнее придерживаться формальностей.

– А я уверен в результате, как бы мы друг друга ни называли, bella.

– Что ж, прекрасно, – раздраженно бросила она, потом выпрямилась и отняла свою руку, удивившись, что он ее отпустил. – Можете называть меня Сидони.

А почему бы ему и не отпустить ее? Он ведь добился, чего хотел: заполучил ее в свое полное распоряжение.

– Отлично. Просто мысль о том, чтобы нашептывать вам на ушко «мисс Форсайт», когда я буду погружаться в вас, чересчур возбуждающа.

Она вспыхнула от красочной картины, которую он нарисовал.

– Не говорите такие вещи.

Он улыбнулся с раздражающей ее ноткой торжества и шагнул ближе, возвышаясь над Сидони.

– Игра только начинается, а ты уже теряешь очко, bella.

На выручку ей пришел гнев. Может, он и относится к ее бесчестью, словно к неважной мелочи, но она не может воспринимать это с такой же легкостью.

– Полагаю, я привыкну к вашей вульгарности.

Его смех обвился вокруг ее оборонительной стены, как лоза, цепляющаяся за осыпающуюся каменную кладку.

– Уверен, что привыкнешь.

Меррик прошагал к двери и широким демонстративным жестом распахнул ее.

– Пройдем в столовую? – Он бросил на Сидони загадочный взгляд. – А потом мы могли бы прокатиться верхом.

Она покраснела как рак.

– Мистер Меррик...

Его улыбка сделалась шаловливой.

– Ну и кто из нас вульгарен? Мне надо осмотреть имение после бури, и я подумал, что ты захочешь подышать свежим воздухом.

Она промаршировала мимо него в коридор. Шесть дней – она будет свободна. И больше никогда не увидит этого распутного, раздражающего Джозефа Меррика.

Но эти шесть дней обещают муки почище адовых.

Когда Сидони вбежала на конюшенный двор, Джозеф разговаривал с маленьким худым мужчиной, держащим поводья двух породистых лошадей: кремовой арабской кобылы и крупного гнедого мерина. Не прерывая разговора, хозяин замка послал ей легкую улыбку. Она потратила на переодевание больше времени, чем они условились, но он не выказывал никакого нетерпения. И вновь Сидони задумалась: насколько не похожи друг на друга кузены. Уильям не выносит даже малейшего неудобства и накидывается на любого, кто задерживает его или мешает ему.

Последние годы, когда она занималась главным образом тем, что вела хозяйство Барстоу-холла, не подготовили Сидони к защите от опасного повесы. Когда-то она, должно быть, лелеяла девичьи мечты о том, что однажды прекрасный принц обратит на нее внимание. Возможно, Сидони этого не помнит. Как только она повзрослела достаточно, чтобы разобраться в сущности брачных уз, ее мечты стали более прозаичными: независимая полезная жизнь, когда

решения принимает она сама и никакой мужчина не обращается с ней как со своей собственностью.

Грум склонил голову в приветствии и исчез. Меррик разглядывал ее с блеском в глазах. Это был отчасти мужской интерес, отчасти одобрение, отчасти что-то еще, чего она не могла истолковать. Он как будто задал вопрос, и она сказала «да», не зная, на что согласилась.

Сидони стяхнула беспокойное ощущение и вздернула подбородок. Руки стиснули изящный маленький стек.

– Вижу, ты нашла амазонку, – сказал он ничего не выражающим тоном.

– А вы, я вижу, готовы ко всяким случайностям во время визитов дам, – язвительно парировала она.

Когда Сидони увидела модную черную амазонку, разложенную на кровати – его кровати, – ей стало противно. Она убедила себя, что его интрижки ее не касаются, но неприятное чувство осталось.

Мелкие морщинки вокруг глаз Меррика указывали на то, что он прячет улыбку.

– Я никогда не привозил сюда любовниц, если это тебя волнует.

– Я не ваша любовница, – огрызнулась она, разозлившись, что он сразу же приписал ее раздражительность ревности.

– И все же. – Он внимательно оглядел ее. – Амазонка тебе впору.

– Слишком узка. Миссис Бивен пришлось перешивать пуговицы, поэтому я и опоздала.

– Ты более... щедро одарена, чем твоя сестра.

Она вызывающе посмотрела ему в лицо, глупо гадая, предпочитает ли он более изящную женщину. В сравнении с тонкой как тростинка Робертой она – валькирия.

– Роберта не ездит верхом, – отозвалась Сидони, твердя себе, что ей нет никакого дела до того, что думает этот негодяй о ее внешности.

Очередная пустая бравада. Она становится весьма искусной в этом деле.

– Я не настолько хорошо знаком с леди Робертой, чтобы знать о ее развлечениях... не считая пристрастия к карточным играм.

– Вы судите ее слишком строго. – Сидони сдержала порыв сказать Меррику, что ее сестра не всегда была такой нервной и надменной, какой он ее знает. Когда они были детьми, любовь Роберты была для Сидони единственным прибежищем от материнского равнодушия и отцовского презрения.

Он пожал плечами:

– Она была средством для достижения цели.

Губы Сидони плотно сжались.

– Это ставит меня на место.

Тыльной стороной ладони в перчатке он приподнял ее подбородок.

– Ты совершенно иной категории, bella.

Ласка – если это мимолетное прикосновение можно было так назвать – длилась всего мгновение, но Сидони прочувствовала ее до самых кончиков пальцев. Этот нелепый физический отклик не поддавался никаким разумным объяснениям.

– Да, я согласилась не сопротивляться вам, – сказала она с нотками горечи.

– День слишком хорош, чтобы ссориться, – легко отозвался он. – Давай я помогу тебе сесть в седло, а то Кисмет уже проявляет нетерпение.

Когда он ухватил ее за талию, Сидони испугалась, что руки его задержатся там, но он просто с захватывающей дух легкостью подбросил ее в седло. Прекрасная лошадь нервно переступила ногами, но тут же затихла, когда Джозеф успокаивающе заговорил с ней.

«Он имеет подход к женщинам», – подумала Сидони с новым всплеском негодования. Странно, что Роберта описывала его как жуткого уроды, который может привидеться лишь

в страшном сне. Она попыталась представить, как бы выглядел Меррик без шрамов, но они казались такой же неотъемлемой частью его, как и чувственный рот.

Он шагнул ближе и схватился за уздечку Кисмет.

– Сиди тихо, пока я подтяну стремена.

Джозеф сдвинул черные юбки девушки в сторону. Сидони с дрожью ожидала, что он прикоснется к ногам, но его руки целенаправленно затягивали кожаные ремешки. Эта уверенность сильных рук породила в ней какой-то странный внутренний трепет. Со спины Кисмет ей была прекрасно видна его буйная шевелюра. Она была иссиня-черной и растрепанной – еще одно указание, что он требует от окружающих принимать его таким, какой он есть.

Он шагнул назад и поднял глаза:

– Ты замерзла?

Как бы ей хотелось уметь скрывать свои реакции.

– Нет.

Сидони ожидала какого-нибудь замечания насчет ее дрожи, но он просто повернулся, чтобы взять свою бобровую шапку с лавки сзади. Плавным движением поднялся в седло гнедого, и сердце ее екнуло от восхищения силой и ловкостью Джозефа.

«Поверьте мне, *tesoro*, я буду прикасаться к вам вновь и вновь так, как вам и не снилось».

Она подавила воспоминание о пугающем обещании Меррика и, когда они стали удаляться от замка, принялась лихорадочно подыскивать какую-нибудь нейтральную тему для разговора. Это было трудно, ибо всякий раз, поглядывая на него, Сидони вспоминала его поцелуи и прикосновения.

– Почему вы называете меня итальянскими словами? Я думала, вы должны бы говорить... – Она вдруг вспомнила, что свет считает его мать ничем не лучше шлюхи. Тема Консуэло Альварес, по всей видимости, под запретом.

Он насмешливо вскинул бровь, догадываясь о ее затруднении.

– Должен бегло говорить по-испански?

– А разве нет?

– Моя мать умерла, когда мне было два года. Я ее не помню.

– Мне очень жаль...

Последовало неловкое молчание. Они пересекли широкое зеленое поле. Скалы возвышались слева от них. Волны с грохотом разбивались о камни внизу. Чайки пронзительно кричали, словно потерянные души. За спиной, на горизонте, виднелся замок Крейвен. Даже на солнце замок выглядел мрачным.

Молчание затянулось, сделалось невозможно гнетущим. Лошадиные копыта глухо стучали о густую траву. Леди Форсайт нервно озиралась, ища, о чем бы поговорить. Погода – слишком банально, но замечание насчет светлого дня уже вертелось у нее на языке, когда он наконец заговорил:

– После того как мне не удалось преуспеть в Итоне, отец забрал меня жить в Венецию.

Что-то в его тоне указывало, что за этим лаконичным сообщением скрывается долгая история. Сидони так много не понимала и так многое хотела узнать. Лихорадочное любопытство тревожило ее. Меррик чужой, и будет лучше, если он таковым и останется.

Когда она не отозвалась, он продолжил:

– Мы редко приезжали в Англию.

Сидони могла себе представить почему. Она была еще слишком мала, чтобы помнить изначальный скандал, касающийся лорда Холбрука и его самозваной виконтессы, но злые сплетни продолжали муссироваться и годы спустя. Впрочем, эта история по большей части оставалась загадкой. К примеру, откуда у Джозефа появились шрамы на лице? Сидони было известно, что всю жизнь Энтони Меррик опротестовывал незаконность своего брака. После

его смерти титул Холбруков перешел к Уильяму, кузену Джозефа. Уильяму, который вскоре после получения наследства женился на Роберте Форсайт – женился ради ее приданого.

Энтони Меррик в некотором роде отомстил посмертно. Он был одним из богатейших людей в Англии, и, не считая Барстоу-холла в Уилтшире и Меррик-Хауса в Лондоне, ничего из его состояния не вошло в майорат. После смерти отца девять лет назад Джозеф Меррик унаследовал громадное состояние. Уильям Меррик остался с двумя обветшавшими домами, которые дядя намеренно запустил, и без средств для поддержания достоинства титула виконта Холбрука.

С той поры состояние Джозефа многократно увеличилось. Он был умен, решителен, безжалостен и не боялся новшеств. Его богатство обеспечивало ему сдержанное признание в обществе, несмотря на незаконнорожденность. Уильям метался от одной финансовой неудачи к другой, пока в конце концов не оказался на грани банкротства. С каждым провалом его ненависть к Джозефу возрастала, превращаясь в манию. Сколько раз Сидони слышала, как Уильям проклинает своего кузена. Его нападки на Роберту становились особенно злобными, когда Джозеф в очередной раз в чем-то одерживал над ним верх.

Меррик свернул к краю поля. Сидони последовала за ним по пологому склону к широкому изгибу берега. Несмотря на теплый день, море было бурным и волны с оглушительным грохотом ударялись о берег. Внезапно ощутив потребность в свободе и скорости, она пустила Кисмет в галоп. Короткий промежуток времени леди Форсайт ловила свистящий соленый воздух да слышала стук копыт по гладкому песку. Она слышала Меррика позади, но не оглядывалась. В эти мгновения ей хотелось думать, что она может убежать от неприятностей.

Сидони доскакала до усеянного скальными обломками края берега и натянула поводья Кисмет. Потом повернулась в седле и наблюдала за стремительным приближением Меррика. Большой гнедой, резко остановившись рядом, встал на дыбы. Трепет пробежал от того, как легко Меррик справился со своим нервным скакуном. Эти умелые руки, что успокоили взвинченную лошадь, скоро будут касаться ее тела.

Наклонившись, чтобы потрепать атласную лошадиную шею, Джозеф взглянул на нее. Свет в его серебристых глазах говорил о том, что он догадывается о направлении ее мыслей. Ну разумеется.

– Немного лучше? – Этот легкий изгиб губ прорезался прямым к ее сердцу.

Она заморгала. К сердцу? Нет, нет, нет! Сердце ее не будет затронуто. Она и без того балансирует на краю пропасти, продавая свое тело.

Он заметил ее смятение.

– Что случилось?

Сидони закусила губу и выбрала опасную честность.

– Я все время забываю, что вы намерены погубить меня.

Если б Сидони не смотрела так внимательно, то могла бы и не заметить тени беспокойства, промелькнувшей в его глазах. Ей пришло в голову: если Меррик может читать ее мысли, то и она научится понимать его. Эта вторгающаяся интимность ослабляла сопротивление, но она не знала, как с ней бороться.

– Ничего радикального, – мягко проговорил он. – Это готическая атмосфера разжигает твое воображение.

Мерин придвигался все ближе, пока нога Меррика не ударила о ее ногу. Он протянул руку и обхватил ее за шею, зарывшись пальцами в растрепавшиеся от быстрой скачки пряди. Кожу обдало жаром.

О Боже...

Внутри Сидони все задрожало мелкой нервной дрожью. Проклятое обещание позволять ему вольности было ошибкой, но теперь уже поздно отступить.

– Меррик... – Она оцепенела, не отстраняясь.

– Джозеф.

Она сузила глаза.

– Хорошо, пусть будет Джозеф. Отпустите меня.

Держа ее с мягкой неумолимостью, он придвинулся ближе. Ответ его прозвучал шепотом:

– Ну нет, Сидони. Никогда не проси отпустить тебя. Пока – нет. Не раньше, чем мы познаем райское блаженство.

– Прекратите. – Сердце ее колотилось так сильно, что готово было выскочить из груди.

– Прекратил бы, если б мог.

Она напряглась под его рукой.

– Глупости, вы просто играете со мной.

– Несомненно, tesого. Но ты сама виновата в этом. Ты такая неотразимая, что я просто не в силах... устоять.

– Возьмите себя в руки, мистер Меррик. Одолейте эту слабость.

– Я пытаюсь, дорогая, я пытаюсь.

– Я вас укушу, – пригрозила она, но не пошевелилась.

– Я и сам тебя укушу, прежде чем закончу. – Взгляд его задержался на ее губах, отчего сердце Сидони молотом застучало в паническом предостережении. – Съем тебя, как спелый персик, вместе со всем соком и сладостью. А потом оближу губы.

Она знала довольно, чтобы понять, что он подразумевает грех. Больше чем просто поцелуи, это уж наверняка. Для такого повесы, как он, поцелуи, должно быть, такая мелочь.

– Вы... вы пугаете меня, мистер Меррик.

Хотя страх был лишь частью того, что она чувствовала. Физическая близость никогда не привлекала ее. Она и помыслить не могла о том, чтобы отдаться мужчине. Но что-то в Меррике зажигало ее кровь нарождающимся желанием, несмотря на то что она знала о нем и что он уготовил для нее.

– Смелее, мисс Форсайт! – Он насмеялся над ее холодным формализмом. Она и сама чувствовала себя глупо, называя его «мистер Меррик», когда он вот-вот поцелует ее. В чертах его проступила неумолимость. – Больше никаких отговорок и никаких возражений, Сидони. Начнем игру. Трофеи – победителю.

## Глава 5

Сидони приготовилась заново пережить вчерашний целомудренный поцелуй. Была та же неизбежная интимность. Тот же невольный восторг. То же томительное ожидание, словно откровение – вот оно, совсем рядом, стоит только протянуть руку. Всего этого уже было довольно, но на этот раз... поцелуй оказался иным.

Поцелуй передавал безошибочное приглашение. Но к чему? Сидони была слишком неопытна, чтобы знать это. Однако прекрасно понимала, что малейшее встречное движение с ее стороны навлечет на нее беды, с которыми она не сможет совладать. Как и прошлой ночью, она оставалась неподвижной под его губами, надеясь, что отсутствие поощрения остановит его.

Напрасная надежда.

Джозеф целовал ее не спеша, и скоро сопротивление плавно перетекло во всепоглощающее острое ощущение: гладкой твердости его губ, мягко сгибающихся и разгибающихся пальцев руки на затылке, лихорадочного стука собственного сердца. Внизу живота сделалось нестерпимо горячо. Это незнакомое, непрошеное ощущение манило ее погрузиться в поцелуй. В смятении она отодвинулась. Кисмет тихонько заржала и переступила ногами.

– Шш, – мягко проговорил Меррик.

– Это вы мне или лошади? – Сидони презирала себя за предательскую хрипотцу в голосе.

Он тихо рассмеялся:

– А ты как думаешь?

– Думаю, вам надо остановиться. – Руки ее сжали поводья, хотя она постаралась больше не тревожить лошадь.

– Еще нет, – возразил он, и от возбуждения, поблескивающего у него в глазах, ее кровь быстрее побежала по жилам.

Леди Форсайт испустила многострадальный вздох.

– Ну так давайте уже, покончите с этим.

Глаза Джозефа заискрились весельем, которое скоро стало неотразимым, будь он неладен.

– Незачем умолять, tesoro.

Он крепче обхватил ее шею, хотя она сразу же поняла бессмысленность попытки побега. Она дала ему обещание, и у него по-прежнему расписки Роберты. Поцелуи выходили за пределы их соглашения, но она прекрасно знала, что он замышлял соблазнение, предлагая эту сделку.

Меррик потерся губами о губы Сидони, поцеловал уголки ее рта, слегка прикусил нижнюю губу. Удовольствие сделалось еще более опасно манящим. Сидони издала приглушенный возглас беспокойства, положив руку ему на грудь. Чтобы оттолкнуть или привлечь ближе? Трудно было сказать.

Веки ее, дрогнув, опустились, и чувства наполнились Мерриком. Его мужским запахом, таким чужим и в то же время соблазнительным. Лихорадочным биением его сердца у нее под ладонью. Твердым теплом рта.

Когда язык его коснулся ее там, где он целовал, она вздрогнула. Вот странность! Если б он сказал ей, что собирается лизать ее, ей бы стало противно. А на деле это оказалось... интригующе. Она протестующе замычала, рука стиснула его свободную рубашку. Сдерживаемая мощь под рубашкой должна была бы напугать ее, но сейчас эта сила скорее пробуждала любопытство, чем беспокойство.

Его поцелуй уже и без того ослабил ее здравомыслие. Сидони лучше большинства женщин знала цену того, чтобы отдаться на милость мужчине, особенно требовательному и властному. Она видела, как мать таяла как призрак под отцовским господством. Видела беспомощ-

ность Роберты против Уильяма. Сидони не обманывалась: обаяние Меррика скрывает что-то иное, нежели желание подчинять.

Она бессвязно запротестовала и попыталась оторваться, но его хватка была неумолимой. Он по-прежнему легко касался ее губ своими, словно пробуя на вкус.

Сидони неосознанно выпятила губы. Всего лишь намек на ответный поцелуй, не более. Он издал горлом удовлетворенный рокот. У нее засосало под ложечкой. Она осознала, что, уступив так мало, она уступила много. Сидони сделала попытку отступить на прежние позиции. Но было поздно. Рука у нее на затылке сжалась и притянула ее. Больше пыла. Больше нежности. Больше поцелуев, зазывающих ее в неизведанное.

К тому времени как Джозеф поднял голову, Сидони дрожала от страха, негодования и непрошеного чувственного отклика. Сделав протяжный, судорожный вдох, она открыла изумленные глаза. Он был так близко, что ей пришлось отклониться назад, чтобы черты его попали в фокус. Он наблюдал за ней с настороженностью, которая противоречила неторопливой сладости поцелуя.

– Вы не должны были этого делать. – В голосе ее прозвучало скорее смятение, чем праведный гнев.

Ветер играл с ее растрепанными волосами, бросая пряди в лицо. Кисмет стояла спокойно. Гнедой Меррика обнюхивал какие-то водоросли. В нескольких шагах от них волны разбивались о берег. Когда Меррик целовал ее, она слышала лишь дикий танец собственного сердца, оставаясь глухой ко всему остальному, включая требования самосохранения.

Джозеф нежно провел пальцем невидимую линию вдоль щеки Сидони. Прошлой ночью он вот так же касался ее обнаженной груди. Это воспоминание подстегнуло гнев, который ей следовало бы призвать на выручку, когда он только начал целовать ее.

– Не надо. – Она отдернула голову. От резкого движения всадницы Кисмет беспокойно переступила ногами.

– Тебя никогда раньше не целовали, да? – В голосе Меррика не было обычной насмешливости. Он казался потрясенным. Серебристые глаза его были мягкими, как осенний туман, и рот тоже был мягким, полным и до невозможности соблазнительным.

Она заморгала, ужаснувшись, когда до нее дошло, что она глазеет на него, как ребенок, зачарованный рождественскими свечами.

– Что... что вы сказали?

Он смотрел на нее почти нежно. Где-то в дальнем уголке сознания зазвенело предостережение. Остерегайся! Остерегайся!

– Тебя никогда раньше не целовали?

Она нахмурилась, пытаясь понять смысл его слов.

– Конечно же, целовали.

Он скептически воздел бровь:

– Тысячи раз. Ручаюсь.

Она вспыхнула и с силой стиснула поводья, борясь с желанием ударить его.

– Нет. Вы целовали меня вчера. – В голосе ее проявилось раздражение. – Или вы не помните?

Рука его скользнула ей под подбородок и приподняла лицо. Он разглядывал ее как какую-то причудливую новую разновидность под увеличительным стеклом.

– Разумеется я помню, bella. Воспоминание об этом преследует меня. Просто ты еще более... нетронута, чем я думал.

Раздражение вспыхнуло в ней от того, что он смеет насмеяться над ее неопытностью. Сидони резко высвободила подбородок.

– У меня нет привычки якшаться с беспринципными распутниками. Почему вы придаете этому такое значение? Вы же знаете, что я девственница.

– О да! – Что-то вспыхнуло в его глубоко посаженных серебристых глазах, прежде чем он опустил взгляд на ее губы. – Но ты даже более... девственница, чем я полагал.

– Нельзя быть более девственницей, чем девственница, – огрызнулась Сидони.

Джозеф наклонился вперед с очевидным намерением. С нее было довольно лживых поцелуев и саркастического поддразнивания. Она извернулась, чтобы уклониться, – Кисмет фыркнула и беспокойно попятилась.

– Тпру! – Меррик схватил уздечку Кисмет, и лошадь тут же успокоилась. – Слезай, Сидони.

Этот резкий, бесцеремонный тон вкупе с насмешками над ее неуклюжестью окончательно вывел леди Форсайт из себя.

– То, что я позволила вам поцеловать себя, не означает, что я собираюсь безропотно подчиняться.

Он продолжал смеяться над ней:

– Даже я не настолько самонадеян, bella. Но тебя давно пора научить целоваться, а я не могу выполнять эту задачу, когда мы того и гляди шлепнемся на задницы.

– Я не желаю и дальше сносить это вульгарное лапанье.

– Интерес к физическому удовольствию вполне естествен. Тут нечего стыдиться. – Джозеф спешился и связал поводья гнедого у него на шее, чтобы они не свешивались. – И не из-за чего извиняться.

Ох, как же ей хотелось влепить ему пощечину! Рука сжалась в кулак.

– Я не извиняюсь.

Он не обратил на это внимания.

– Ты, должно быть, сгораешь от любопытства.

– Я сгораю от желания дать вам затрещину.

Он хлопнул ладонью по крупу гнедого – тот, фыркнув, отошел с дороги, потом приблизился к кипящей негодованием Сидони, сидевшей верхом на Кисмет.

– Подавляемая страсть, если не дать ей выхода, обращается в насилие.

– Только если ты умалишенный.

– Я жду не дождусь, когда лишу тебя ума, tesoro. И не вздумай ускакать. – Он схватился за уздечку. Что ж, инстинкты у него прекрасные. Именно это она и намеревалась сделать. – Неужели тебе не хотелось бы узнать, что ты потеряла?

– Вы только что показали мне, что я потеряла. Столько шума из ничего.

– Несколько минут назад ты не жаловалась.

Меррик продолжал улыбаться. Разрази его гром, он не воспринимает ее всерьез. Быть может, потому, что она на один запретный миг имела глупость ответить на поцелуй.

– Вы просто застigli меня врасплох.

– Стало быть, на этот раз считай, что ты заранее предупреждена. – Джозеф отпустил Кисмет и схватил Сидони за талию. Она – женщина немаленькая, в сравнении с Робертой настоящая рабочая лошадь, но Меррик легко поднял ее из седла и поставил на землю.

– Лошади убегут, – пробормотала Сидони, ощутив какую-то необъяснимую слабость в ногах от его близости. Сердце обмерло, а потом ухнуло куда-то вниз. Она так невыносимо остро ощущала его крепкие, сильные руки, удерживающие ее.

– Если убегут, то просто вернуться в конюшню, а нам придется идти обратно пешком.

Словно в доказательство, что ее страхи беспочвенны, Кисмет отошла на несколько шагов и остановилась рядом с гнедым.

– Я убегу, – сказала Сидони, не шелохнувшись.

– Я догоню.

– Зачем утруждаться?

Он взял ее дрожащие руки, и она, глупая и слабая женщина, не воспротивилась. Опасность уже буквально была в набат, но она оставалась на месте как прикованная.

– Затем, что ты очень красивая, *dolcissima*, – мягко проговорил он. – Разве ты этого не знаешь?

Ночью он тоже говорил ей, что она красивая. Перед тем как в раздражении ушел. Сейчас он казался таким же искренним, как и тогда. И, как и тогда, сердце ее, екнув, замерло.

– Это известная уловка повесы – говорить девушке, что она красива.

– И как – действует? – весело поинтересовался Джозеф, стягивая с нее перчатки.

– Нет. – Хотелось бы ей, чтобы это было так.

– Жаль. – Он бросил ее перчатки на землю и стянул свои. – Проклятье! На тебе всегда ужасно много одежды. Это так неудобно.

«Не всегда».

Эта мысль повисла между ними, словно произнесенная вслух. Она могла убежать, он больше не держал ее. «Идите, идите же», – приказывала она своим ногам, но они упрямо отказывались сдвинуться с места.

– Я не нахожу это неудобным.

– Еще один прискорбный признак невинности. Когда-нибудь ты будешь благодарна мне за то, что я показал тебе что к чему.

Ее губы неодобрительно сжались.

– Это общественная обязанность?

Хорошо бы, если б ей так не нравился его смех. Всякий раз, когда она слышала этот глубокий мелодичный рокот, ее так с трудом выстроенная оборона слабела.

– Долг перед своими братьями.

– Они, вероятно, дадут вам медаль, – слабо проговорила она, когда он обхватил ее лицо руками.

Судорожно втянув воздух, Сидони призвала себя быть сильной. Постаралась придать жесткости позвоночнику, который показывал удручающую склонность изгибаться в его сторону.

– Рыцарский титул по меньшей мере.

– За услуги перед женским полом. – Сидони хотела, чтобы это прозвучало саркастически, но вышло взволнованно, с придыханием.

Его глаза вспыхнули.

– О, я намерен послужить тебе, *bella*. – И прежде чем она придумала еще одно неубедительное возражение, он приблизил губы к ее губам.

Тепло. Мягкость. Трепетная неуверенность. Скрытое желание откликнуться. Джозеф вкусил все это, когда прильнул к губам Сидони. Он не мог сказать, почему был так глубоко тронут тем, что оказался первым, кто поцеловал ее. Реакция собственного тела была вполне предсказуемой. Уже одно ее присутствие возбуждало его. И так было с самого начала. Какой бы силой она ни обладала, он был беспомощен против нее.

Пробно, легонько он лизал, покусывал сжатые губы. Она пленительна. Даже сейчас, когда уступает чуть больше, чем вчера, и дрожит в его руках. Он все еще не уверен: это от возбуждения или от страха. В ее глазах он прочел и любопытство, и смятение. Густые каштановые волосы щекотали ему пальцы. После безумной скачки она выглядела восхитительно растрепанной. И это наводило его на мысль об иных безумных скачках, в которые ему хотелось бы пуститься вместе с ней.

Подняв голову, он посмотрел на нее. Глаза Сидони были закрыты, щеки пылали. Ноздри его раздулись, когда он втянул пробуждающие воспоминания запахи моря и Сидони.

– Открой ротик, *tesoro*. – Джозеф приподнял ее лицо. – Открой для меня свой ротик.

Глаза ее широко распахнулись. На один пьянящий миг он утонул в их карих глубинах – насыщенных, осенних, чувственных.

– Открыть?..

Он воспользовался шансом и скользнул языком ей в рот. Она издала удивленный возглас и попыталась отстраниться.

– Нет.

– Bella, не бойся.

Она перестала отодвигаться, но губы ее снова сжались. Он вернулся к нетребовательной мягкости. Сидони стояла неотзывчивая, хотя неровное дыхание указывало, что она далеко не безразлична. Ее сопротивление начинало потихоньку сводить его с ума.

Одно лишь сопротивление, сопротивление, сопротивление. Бесконечное сопротивление.

И вдруг, в какую-то долю секунды, это нескончаемое сопротивление растаяло. Рука ее легла ему на плечо, и со вздохом Сидони прильнула к нему. Тепло, достаточно сильное, чтобы растопить холод его сердца, окутало Джозефа. Рука на плече сжалась в ласке. Губы приоткрылись и наконец уступили медовую сладость рта. Он с наслаждением вкусил ее. Сидони оказалась восхитительной на вкус. Его язык коснулся ее языка, и он услышал приглушенный протест.

Если бы в душе у него сохранилась хоть малая толика милосердия, он бы отпустил ее. Но вкус девушки был как джин для пьяницы. Он беспечно полагал, что во время этого импровизированного урока сохранит ясную голову, но она посмеялась над его самонадеянностью. Она, которая никогда в жизни не целовалась.

В долгом неспешном исследовании погладил он ее язык, и на этот раз почувствовал слабое движение в ответ. Он издал низкий рык одобрения и подразнил ее снова. Когда Сидони неуверенно притронулась к его языку своим, кровь ударила Меррику в голову. Он, известный повеса, поставлен на колени невинным, неуклюжим поцелуем.

Да только теперь, отвечая ему, она уже не была неуклюжей. Она была сладкой, пылкой и быстро следовала его примеру. Когда язык его затанцевал у нее на губах – она сделала то же самое. Когда он втянул ее язык к себе в рот – она удивленно ахнула, затем попробовала его так глубоко и с таким неподдельным удовольствием, что сердце Джозефа заколотилось о ребра.

Но даже во власти наслаждения он придерживался стратегии. Руки его горели от безумного желания прикоснуться к ее телу, тронуть каждую выпуклость и впадинку. Но если он поспешит, то потеряет все, чего ему удалось достичь.

Жар разгорался, грозя испепелить его, и все же какой-то далекий голос напомнил ему, что это подразумевалось только как урок. Руки его расслабились, хотя он не мог найти в себе силы отпустить ее совсем. Мало-помалу он гасил лихорадочную страсть, пока поцелуй не превратился в отголосок того, первого поцелуя. Вот только теперь он знал ее вкус. Знал, какие мяукающие, прерывистые звуки она издает, уступая неизведанному наслаждению.

В постели с ним она будет неподражаема.

Он в последний раз коснулся губами ее губ, затем отстранился. Сидони пылала, губы у нее были алыми и влажными. От ее сияющей красоты сердце его запнулось. Мужчина, имеющий хоть каплю благородства, отправил бы ее восвояси с аккуратно свернутыми в сумке расписками Роберты, потому что, если она останется, Джозеф запяtnает ее сверкающую добродетель. Он утянет этого ангела к себе в ад.

– Подумать только... – прошептала Сидони, подняв глаза, которые сейчас были скорее золотистыми, чем карими.

– О да. – Он улыбнулся, пожалуй, с хмельной радостью, нежели с циничной насмешливостью, с которой обычно противостоял миру.

– Если б я знала, что поцелуй бывает таким...

Ему понравилось, что она из гордости не стала притворяться, будто не получила удовольствия от поцелуя. Воистину Джозефу все труднее найти что-то, что ему в ней не нравилось.

– Ты бы целовала всех мужчин в округе?

Леди Форсайт дрожащей рукой отвела волосы с лица. Меррик видел, что она постепенно возвращается к реальности и смущающему пониманию того, насколько основательно она забылась в поцелуе.

– Ну, возможно, всех, кто моложе сорока лет.

– Попробуем еще разок?

Сидони бросила на него неодобрительный взгляд, противоречащий нежной полноте ее губ.

– Когда вы целуете меня, я не могу думать.

– Вот и хорошо.

– Но мне надо подумать.

Он мягко рассмеялся:

– Подумаешь в доме. Не хочется вымокнуть. Погода портится.

– О! – удивленно воскликнула она, оглядевшись вокруг.

Еще один толчок возбуждения сотряс его, когда до него дошло, что она была настолько сосредоточена на нем, что не заметила надвигающейся грозы.

Джозеф легко поймал лошадей и посадил ее в седло. Любуясь тем, как ветер резвится с ее волосами, он улыбнулся Сидони, взобравшись на Казимира.

– Приятно видеть хорошенькую женщину, отлично сидящую на хорошей лошади.

Леди Форсайт вспыхнула.

«Как могло такое прелестное создание прожить двадцать четыре года, не привыкнув к комплиентам? Замок Крейвен она покинет, зная, насколько бесподобна». Джозеф подавил болезненный укол от мысли об ее отъезде и пустил Казимира в галоп, услышав позади, как Сидони прокричала что-то подбадривающее Кисмет. Подгоняемые крепчающим ветром, они понеслись вдоль берега.

Джозеф начал эту битву, уверенный в победе, но сейчас его охватило удручающее чувство: он в конце концов капитулирует перед Сидони точно так же, как она капитулирует перед ним. Проклятье! Он не может позволить себе такую жертву.

## Глава 6

Еще одна запеченная в тесте устрица?

Сидони настороженно оглядела длинного худого мужчину, который сидел в вальяжной позе на парчовом диване с ней рядом, вытянув ноги на бесценный восточный ковер малинового и синего цветов. Меррик не делал ничего открыто обольстительного с тех пор, как поцеловал ее, если не считать ленивого взгляда из-под полуопущенных век, который он не сводил с нее. И все равно она не доверяла ему.

Что бы только она не отдала за хороший стул с прямой спинкой, и чем неудобнее, тем лучше. Если б она знала, что Меррик не станет беззастенчиво подсмеиваться над ней, то принесла бы дубовый стул из холла. Спина ее болела от усилий сохранять строгую позу против соблазна усесться поудобнее. Сидони подозревала, что если начнет устраиваться на мягких подушках, то закончит тем, что устроится на плече Меррика. Сидони знала, что ее чопорная поза забавляет его, но когда она в последний раз ослабила бдительность, то с ужасающей быстротой поддалась на его уловки.

После верховой прогулки он привел ее в этот султанов будуар богатых шелков и бархата. Дождь колотил в стрельчатые окна, но внутри замка царили тепло и сибаритский комфорт. Раскаленные жаровни источали тонкий приятный аромат. Этот сераль казался совершенно неуместным в мрачной средневековой цитадели, пока Сидони не вспомнила, что своеобразный декор – здешняя норма. Взять хотя бы ту зеркальную комнату наверху...

Дурное предчувствие заставило ее поежиться. Нет, она не будет думать о спальне. Это напоминает ей о том, что Меррик собирается с ней там делать.

Веки Джозефа опустились ниже, и Сидони еще на градус выпрямила спину. Он выглядел полусонным, но удивительно чутко реагировал на все вокруг, включая ее все более истончающееся сопротивление. Боже милостивый, ему незачем наблюдать за ней, чтобы убедиться в ее уязвимости. Разве не позволила она ему зацеловать себя до умопомрачения?

Меррик не упоминал о поцелуях. Сидони тоже. Но всякий раз, встречаясь с его блестящими серебристыми глазами, она вспоминала ошеломляющую интимность его языка у нее во рту.

– Незачем подталкивать ко мне еду, – проворчала она, тем не менее беря креветку с позолоченной фарфоровой тарелки.

Все тут услаждало чувства. Для девушки, которая много лет жила приживалкой у зятя – не слишком состоятельного, надо сказать, – такая роскошь была подавляющей.

– Но это же так увлекательно. – Он улыбнулся так, что ей захотелось вылить свой нетронутый бокал вина ему на голову. – Ты так восхитительно боишься, что каждая крошка на шаг приблизит тебя к гибели?

– Едой меня не подкупить, – решительно заявила Сидони. И прежде чем он успел высмеять ее неубедительное заявление, откусила кусочек запеченной креветки. – Теперь я понимаю, почему вы терпите эксцентричные манеры миссис Бивен. Какая жалость, что она забыла приборы.

Меррик отпил вина из своего бокала. Удовольствие у него на лице напомнило Сидони его выражение после поцелуя. Дьявол его заберит, все напоминало ей о его поцелуе.

– Да, жаль, – проговорил он с притворным сожалением. – Есть руками – это так... примитивно.

Леди Форсайт покраснела. Он самые невинные слова превращает в приглашение к греху.

– Кстати, об эксцентричных манерах, – продолжал он непринужденно, поднимая свой бокал в коротком тосте. – Ты же не на церковной скамье слушаешь воскресную проповедь.

– Мне вполне удобно, благодарю, – солгала она.

Джозеф вонзил крепкие белые зубы в креветку.

– По крайней мере сними жакет.

Она чопорно поджала губы, пожалев, что даже деликатесам не удалось истребить его вкус. Пропади он пропадом, она будет помнить тот поцелуй до конца своих дней.

– В качестве прелюдии к тому, чтобы снять все остальное?

Глаза его весело заискрились.

– В случае, если такое желание вдруг возникнет, не обращай на меня внимания.

Говоря по правде, ей было жарко. Тяжелый жакет для верховой езды кололся через муслиновое платье. Наверное, глупо было прятать свое тело, когда он уже видел каждый его дюйм, но после тех откровенных поцелуев Сидони отчаянно нуждалась в защите. Чтобы охладить воздух и его взгляд, она глотнула вина. Он поднялся, чтобы наполнить тарелку с буфета, и допил свой бокал.

– Мне достаточно, – быстро проговорила Сидони, но Меррик ее словами пренебрег и наполнил бокал.

– Попробуй вот это. – Он опустился перед ней на колени и протянул маленький ореховый квадратик, политый каким-то сиропом.

Диван был таким низким, что, когда он встал на колени, глаза их оказались на одном уровне. Сидони попятилась.

– Отодвиньтесь.

– Какая ты нервная, tesogo. – Он неодобрительно пощелкал языком. – Я так стараюсь вести себя как паинька. Если я пообещаю не целовать тебя, ты перестанешь дергаться?

– Я...

Он улыбнулся и поднес сладость к ее губам. Она собралась было протестовать, потом с низким стоном одобрения закрыла глаза.

– Бог мой, что это?

– Я попробовал это в Греции. И настоял, чтобы миссис Бивен научилась это готовить. – Он мягко прижал бокал Сидони к ее губам, заставляя сделать глоток.

Она открыла глаза. Он наклонился близко, слишком близко.

– Нечто настолько восхитительное должно быть греховным.

– Сидони, Сидони – маленькая пуританка.

Она пальцами отщипнула еще кусочек сласти. Она же не комнатная собачка, чтоб есть у него с руки.

– Вы были в Греции? – Сидони откусила еще кусочек – пряная сладость больше не ошеломляла, но была невообразимо вкусной.

– Ты думаешь, что вежливая беседа будет удерживать меня в рамках?

Желание узнать что-нибудь о нем было соблазнительнее любой сладости.

– Я живу надеждой.

Он медленно отстранился.

– Мой девиз.

Она вздохнула, наполняя легкие воздухом. Ее облегчение, однако, испарилось, когда он поднял ее ногу к себе на колени.

– Что вы делаете?

Он крепко держал ногу, не позволяя шевельнуться.

– Устраиваю тебя поудобнее, сага. – Пара ловких движений его умелых рук – и он снял с нее потертый полуботинок.

– Это не очень хорошая идея, – запротестовала Сидони, когда он стащил и второй сапожок и отставил его в сторону, рядом с собратом.

Джозеф поглядел на ее заштопанный чулок с явным неодобрением. Глупо было обращать на это внимание, но ей стало стыдно за это свидетельство бедности. Дрожащими руками она одернула юбки, прикрывая ноги.

– Полагаю, вы привыкли к размалеванным шлюхам, щеголяющим в шелках и кружевах. Его губы дернулись.

– Размалеванные шлюхи? У тебя бурное воображение. – И он поднял ее юбки почти до колен.

Резко наклонившись вперед, Сидони схватила его за руку. И поняла свою ошибку, когда жар от его ладони растекся по ноге.

– Мистер Меррик! Вы не смеете раздевать меня!

– Только чулки, сага.

– Разрешение снимать с меня нижнее белье выходит за рамки нашего соглашения. – Она вырвалась и попыталась встать, однако мягкий диван сильно затруднял это, казалось бы, простое действие. Когда же она наконец поднялась, неуклюжая, как захмелевший медведь, это ей не помогло. Меррик схватил ее за руку и резко потянул. Охнув, она некрасиво плюхнулась обратно на подушки.

– Опять играешь адвоката, *dolcissima*? – спросил он.

– Красивыми итальянскими словечками не скроешь гадких намерений.

Она ожидала очередной насмешки, но он просто отклонился на пятки и снова схватил ее ногу. Провел ладонью вверх до колена и обратно.

– Не гадких, нет.

Жар от его прикосновения проник сквозь нитяные чулки, и пальцы ног подогнулись. Она никогда не считала свои стопы и лодыжки особенно чувствительными, пока Меррик не предпринял свое нежное исследование. Кожа ее пылала. Сердце колотилось от головокружительной смеси страха и возбуждения. Рука непроизвольно поднялась расстегнуть жакет, прежде чем она сообразила, что он неправильно это истолкует.

Пусть Джозеф и стоял на коленях на полу, но его оценивающий взгляд отнюдь не был просящим. Напротив, он бросал ей вызов послать осторожность к черту и открыть то, что знал он, но не знала она.

– Сними его.

– Вы чересчур торопитесь, мистер Меррик.

Пальцы его прочертили еще один сложный узор от лодыжки до колена.

– У нас всего неделя, мисс Форсайт. Крылатая колесница времени и все такое.

Внезапно его неумолимая напористость показалась невыносимой. Меррик искушает ее отринуть все, во что она верит, в обмен на чистейшее удовольствие его прикосновений. И ради этой полуулыбки, приподнимающей уголки губ. На глазах у нее выступили слезы.

– Пожалуйста, перестаньте. – Она с трудом узнала свой сдавленный голос. – Бога ради, я вас прошу.

Он нахмурился и поднял руку.

– Сидони, я не пойду дальше.

– Вы только так говорите, но поступаете иначе. – Она торопливо прикрыла ноги юбкой. – А я, как дурочка, поддаюсь на ваши уловки.

Джозеф в беспомощном отчаянии воззрился на Сидони. Каждая секунда в ее обществе разжигала его страсть. Он не настолько глуп, чтобы не видеть, что это влечение взаимно. Может, она и говорит «нет», но щеки ее пылают от возбуждения. И он не мог забыть, как всего несколько часов назад она отвечала на его поцелуи. Теперь, когда спина ее потеряла свою холодную чопорную одеревенелость, она полулежала как одалиска. Одалиска в изысканном жакете для верховой езды. Сидони должна была бы выглядеть нелепо, однако выглядела неотразимо.

Он стиснул зубы и призвал на помощь все свое самообладание. Непреодолимое желание провести пальцами вверх по этим стройным ножкам до заветного местечка горячило кровь. Но с каждым шагом, что она делала навстречу капитуляции, ее неуверенность возрастала. Если он надавит на нее слишком сильно, она сбежит, несмотря ни на что.

Обещание большей награды заставило его отпустить ее ноги. Сидони тут же подняла их и поджала под себя, спрятав от него подальше.

– Ты же знаешь, что я намерен соблазнить тебя.

– Знаю, – отозвалась она сиплым голосом, вытирая глаза тыльной стороной ладони. Он попытался убедить себя, что слишком стар и циничен, чтобы находить этот детский жест трогательным. – Я всегда презирала людей, которые позволяют страсти сбить их с пути.

Джозеф сел на пол и оперся спиной о диван рядом с ее согнутыми коленями.

– А теперь ты находишь, что страсть – безжалостная госпожа.

Доносящийся до Меррика нежный аромат девушки терзал его. Он не мог сидеть так близко, не дотрагиваясь до нее. Джозеф повернулся, положил локоть на диван и завладел ее рукой. К его удивлению, она не убрала руку.

– Подобающее наказание за то, что считала себя невосприимчивой. – Голос ее понизился. – Все мужчины, которых я знала, были презренными. Мой отец, слабый и алчный, не допускал иного мнения. Он был не способен ни на доброту, ни на любовь. Хоть он и не бил маму, его тирания превратила ее в ничто, и она все таяла и таяла, пока не умерла, когда мне было двенадцать.

– Сожалею. – Он сказал это совершенно искренне.

Женщинам семейства Форсайт ужасно не везло с мужчинами. Да и связь Сидони с Джозефом Мерриком не принесет ей добра.

– Отец постоянно винил маму за то, что произвела на свет двух бесполезных девчонок.

Картина несчастливой семейной жизни, которую она нарисовала, была удручающей.

– Но ты же не виновата.

Сидони пожала плечами с безразличием, в которое Джозеф не поверил.

– Только раз он выразил удовлетворение своей дочерью – когда Уильям сделал Роберте предложение. Лорд для простой мисс Форсайт? Даже захудалый, несколько сомнительный лорд считался триумфом. Наша семья не была влиятельной, и хотя приданое у Роберты было изрядное, ее нельзя было назвать богатой наследницей.

– Сомнения в моем происхождении уничтожили брачные перспективы Уильяма. – Джозеф не скрывал своего удовлетворения.

– Роберта стала для Уильяма последней надеждой. Его первоначальные амбиции были куда выше. Но ни один магнат не отдаст дочь за человека, который в любое время может быть лишен наследства.

– Однако же он не был лишен наследства.

– Нет, не был.

Джозеф ждал, что она продолжит, но Сидони молчала. Он с любопытством поднял глаза. Она сидела, опустив взгляд на свои колени, и ее сочные губы несчастно кривились. Интересно почему? Вчера вечером она не преминула назвать его ублюдком в лицо. Эта сентиментальная реакция на его скандальное происхождение казалась нехарактерной.

– Не бойся задеть мои чувства. Я привык к тому, что я изгой. У меня были годы, чтобы примириться с незаконнорожденностью.

Догадалась ли она, что он лжет? А он, разумеется, лгал. Его незаконнорожденность – рана, которая никогда не затянется. Когда она наконец посмотрела на него, в ее карих глазах не было насмешки. Напротив, они, как никогда прежде, не выдавали никаких чувств.

– Должно быть, это... нелегко, когда ты рос наследником, – неуверенно проговорила Сидони и, к удивлению, сжала его руку, словно предлагала утешение.

– Давняя история, tesoro. Какой смысл ворошить старое? – Его взгляд остановился на ее восхитительных губах. – Уверена, что не позволишь мне поцеловать тебя?

– Я должна быть благоразумной.

– Благоразумие – переоцененная добродетель, amore mio.

Она взглянула на него с сомнением.

– Не вам судить о добродетели.

– Добродетель – мой враг. Я изучил ее от и до.

Меррик наблюдал, как она лихорадочно пытается придумать какую-нибудь уничтожающую реплику, и решил выручить ее.

– А как тебе удалось улизнуть из Барстоу-холла?

– С помощью Роберты.

– И все равно, какой-нибудь опекун наверняка должен был забаррикадировать садовую калитку от влюбленных деревенских парней, соперничающих за внимание прекрасной Сидони.

– Уильям стал моим опекуном с тех пор, как шесть лет назад умер отец, – ровно проговорила она.

Всякое желание улыбаться оставило Джозефа. Ужасное подозрение заползло в душу.

– Боже милостивый! Только не говори мне, что этот мерзавец бьет и тебя тоже.

– Джозеф, вы делаете мне больно.

– Я – неуклюжий медведь, – пробормотал он, расслабляя руку, стискивающую ее ладонь. – Если он ударит тебя, я этого гада на кусочки порежу.

– Уильям никогда не бил меня. – Она погладила его по щеке, впервые прикоснувшись к нему по собственной воле. В глазах Сидони он увидел мягкость, которой не замечал раньше, даже когда целовал ее.

– Почему? Что его останавливает?

И все же, глядя в это прекрасное лицо, которое выражало силу, равно как и привлекательность, Джозеф догадался почему. Он был далек, чтобы наделять своего грязного кузена совестью или стыдом, но под ясным взглядом Сидони, возможно, даже Уильям находил в себе какую-то крупницу чести.

– Мы по большей части живем отдельно. – Она помолчала, и ее прежняя необъяснимая неловкость вернулась. – Я веду хозяйство в Барстоу-холле на те жалкие гроши, что он присылает. К тому же там всегда найдется бумажная работа для такого синего чулка, как я. Недавно я каталогизировала библиотеку Уильяма.

Она говорила неохотно, хотя Джозеф не мог понять почему. Нельзя сказать, чтобы тема была больной, а она нервничала, рассказывая о своей жизни с Уильямом и Робертой, почти так же, как когда Джозеф дотрагивался до нее.

– Что-нибудь интересное?

Она избегала его взгляда.

– Ваш отец перед смертью забрал все ценные книги.

Жизнь ее, судя по всему, была нелегкой. И одинокой. Но он заставил себя улыбнуться.

– И что же стало причиной этой внезапной библиофилии моего кузена?

– Уильям продает то, что осталось, разумеется. Наверняка вы знаете, как близок он к банкротству. Последнее из того, что еще уцелело от приданого Роберты, ушло на очередной прожект, связанный с какими-то изумрудными копиями в южных морях.

– Мой кузен никогда не отличался деловым чутьем.

Она бросила на него неодобрительный взгляд.

– Незачем показывать свое превосходство. Вы же знаете, что на все эти безрассудства его толкает стремление состязаться с вами.

– Если бы он жил по средствам, когда получил титул, то мог бы вполне комфортно существовать в Барстоу-холле.

Джозеф намеренно не говорил правды. Уильям – самый настоящий змеиный клубок зависти, чванства и хвастовства. Он бы никогда не принял тихую жизнь деревенского сквайра, в то время как его незаконнорожденный кузен ворочает такими делами.

– Я бы и сама с удовольствием позлорадствовала над неудачами Уильяма, если бы моей сестре и племянникам не приходилось влачить жалкое существование вместе с ним.

– А как насчет твоего жалкого существования? Тебя заботит только судьба Роберты и ее щенков?

Она вскинула голову.

– Через два месяца мне исполнится двадцать пять. Опекунство Уильяма закончится, и по отцовскому завещанию я получу содержание. Оно небольшое – плутократ вроде вас посмеялся бы, – но это позволит мне обрести независимость от зятя с его прихотями. У меня есть планы на будущее: завести свой дом и обучать бедных девочек, чтобы они могли устроиться в жизни.

Мысль о Сидони, работающей школьной учительницей, показалась ему ужасным расточительством, но он понял, что лучше этого не говорить. Меррик уловил в ее глазах воинственный блеск, когда она объявила об этом непривлекательном плане.

– Меня удивляет, что Уильям не выдал тебя замуж, если у тебя уже есть приданое.

– Я не шутила, когда говорила, что никогда не выйду замуж.

Что бы ни разглядела Сидони в его улыбке, ее это смутило, и она попыталась отодвинуться. Он ей не позволил. Его начала преследовать пугающая фантазия: он никогда ее не отпустит.

– Не все мужья такие, как Уильям. Или как твой отец.

Она печально улыбнулась одними губами.

– Но это чистейшее везение, не так ли? По закону муж имеет полную власть над женой. Я слишком ценю свои суждения, чтобы пожертвовать ими ради кого-то другого. И нет никакого выхода – контракт связывает до самой смерти. Замужняя женщина ничем не лучше рабыни.

– В Олмаке бытует иное мнение.

Она пожала плечами:

– Шесть лет я жила на содержании Уильяма и видела его похвальбу и грубость. Даже при том что приданое моей сестры было его единственным средством существования. Незамужняя, я не буду зависеть ни от кого, кроме себя самой.

– А разве ты не хочешь детей?

– Но не ценой свободы.

Он нахмурился:

– Ты выбрала столь одинокий путь. А как же любовь?

– Любовь? – Сидони выплюнула это слово, как что-то кислое. – Вы удивляете меня, Меррик. Не думала, что вы признаете такое понятие.

– Поразительно, не правда ли?

Он ждал какого-нибудь ироничного комментария, но она промолчала. Возможно, из-за этого молчания он приподнял завесу горькой правды, которую никогда никому не говорил.

– Я не дурак. Я видел любовь. Отец любил мою мать до самой смерти. Сердце его было разбито, когда он потерял ее. И оно разбивалось снова и снова, когда свет называл ее шлюхой.

Проклятье! Он сказал слишком много. Открыл слишком много. Джозеф понял это, когда увидел побелевшее от горя лицо Сидони. Всю жизнь он выживал в одиночку, полагаясь только на себя. И все же эта не свойственная ему доверительность лишь усилила неотразимое обаяние Сидони в его глазах.

Ему следует помнить, что изоляция обеспечивает безопасность, какими бы привлекательными ни были мягкие карие глаза и женское сочувствие.

## Глава 7

Когда Сидони в тот вечер вошла в холл, Меррик поднялся со своего троподобного стула во главе стола. На нем были сюртук и шейный платок, и выглядел он так, что мог бы украсить собой любую лондонскую гостиную, если не обращать внимания на ужасные шрамы на лице. Неудивительно, что он воспринимает жизнь как своего противника. Он дорого заплатил за все, что имеет, и все же самая глубокая рана осталась. Его объявили незаконнорожденным. Ничто не может это изменить. Ничто, кроме того знания, которое она скрывает и не может открыть, не подвергнув опасности людей, которых любит.

Его горечь, когда он говорил о своих родителях, все еще оставалась в душе Сидони, хотя он тут же осознал, что был слишком откровенен. Меррик вернулся к роли приятного, пусть и несколько язвительного собеседника, которого она время от времени видела с тех пор, как приехала в замок.

Погода удерживала их весь день в доме, и леди Форсайт с удовольствием обследовала библиотеку замка. Но его лицо сейчас предостерегало: он снова тот хищный соблазнитель, который напугал и разозлил ее вчерашним вечером.

Сидони до смерти надоело бояться. Напрягшись, она зыркнула на него.

– Разве вам не нравится мое платье? – резко спросила она, вскидывая голову.

– А тебе?

– Я никогда в жизни не носила такой одежды.

Он уже заказал для нее и получил несколько платьев из Сидмаута. Сейчас Сидони была в темно-зеленом, которое миссис Бивен подогнала по ее фигуре.

– Могла бы поблагодарить.

Она поглядела на него отнюдь не благосклонно.

– Полагаю, словесного выражения признательности будет достаточно.

Он театрально поморщился.

– Бог мой, мисс Форсайт, вы подозреваете у меня скрытые мотивы?

– Едва ли скрытые.

Она стояла, замерев, пока он неспешно приближался к ней.

– Повернись.

– Я вам не игрушка.

В его улыбке был намек на коварство.

– О, еще какая, *carissima*.

– У этой игрушки имеются шипы, – прорычала Сидони, не шелохнувшись.

– Я буду обращаться с тобой осторожно. – Он неспешно обошел вокруг нее, и это разглядывание длилось, казалось, целый час. Разрази его гром, даже воздух вокруг него вибрировал. – Очень мило. – Он шагнул ближе, чтобы расправить кремовое кружево, окаймляющее позорно низкий вырез.

С ужасающей быстротой ее сосок затвердел. Оставалось надеяться, что он этого не заметит.

– Платья неприличные, – чопорно проговорила Сидони. Дорогой шелк тек по ее телу, как вода.

– Но красивые.

Она метнула в него еще один испепеляющий взгляд. Глаза Джозефа сверкали тем нечестивым блеском, которому, как она уже знала, не стоило доверять.

– Признайся, платье чудесное, и ты выглядишь в нем великолепно.

– Оно предназначено для куртизанки.

Он фыркнул:

– Что ты знаешь о куртизанках, невинный ягненок?

Она прищурилась:

– Знание о куртизанках не является достоинством.

– Метко подмечено. – В его улыбке сквозило довольство. – И все же ты надела это платье.

– Миссис Бивен забрала мое муслиновое.

– Должно быть, ей нужна тряпка для уборки.

Она и сама не знала, почему спорит. Кто стал бы возражать против наряда настолько стильного? И хотя шелк льнул к телу, платье не вызвало бы недоумения ни в одном из лондонских салонов. Особенно на леди, которая уже давно не дебютантка.

– Ни одна респектабельная женщина не надела бы это платье.

Он провел пальцем по ее щеке, оставляя покалывающий след.

– Но, *amore mio*, ты больше не респектабельная женщина. Ты – любовница чудовища.

Девушка покраснела и отвернулась.

– Пока нет.

Пленительные морщинки вокруг его глаз собрались от смеха, который всегда согревал ее от макушки до кончиков пальцев, несмотря на все, что она знала о нем.

– Пока? Ей-богу, ты даешь надежду.

– Надменная свинья!

Он отодвинул от стола тяжелый дубовый стул. Она неохотно подалась вперед. Может, он и походил на дремлющего тигра, глядя на нее с собственническим блеском в глазах, но ей не стоит забывать, что он все равно опасен.

Его губы слегка дернулись:

– Расслабься, Сидони. Я не собираюсь набрасываться на тебя за ужином.

Вместо того чтобы занять стул хозяина дома, он сел напротив, потянулся за графином с кларетом и налил два бокала. Рубиновое кольцо поблескивало в свете свечей. Сегодня оно не напоминало ей о крови. Оно заставляло думать о страсти, чего она отчаянно не желала.

Сделав глубокий вдох, чтобы успокоиться, Сидони поднесла бокал к губам. В подвале Уильяма были лишь кислые молодые вина. Это же вино на вкус дорогое и запретное. Тепло казалось лишь слабым отголоском того жара, который зарождался в Сидони, когда она смотрела на Меррика, не сводящего с нее взгляда. Сегодняшняя доверительность, хоть и дарованная неохотно, усилила невидимую связь между ними.

Сидони попыталась вернуться в прозаический мир, пусть даже в мир превосходной еды, роскоши и мужчины, каждое слово которого обещало соблазн.

– Расскажите мне о своих путешествиях...

Джозеф тихонько открыл дверь спальни, прикрывая рукой свечу.

После того как Сидони оставила его с бренди, он надолго задержался в библиотеке, поднявшись на балкон, как будто пребывание в десяти футах над землей могло изменить его видение все более усложняющегося положения. Решение наставить Уильяму рога было легким – легче некуда. Решить же, как поступить с Сидони Форсайт, оказалось не так-то просто. Он попытался отвлечься от мыслей о ней, ожидающей наверху, но какую бы книгу он ни открыл, строчки расплывались перед глазами, и он видел только ее – прекрасную женщину.

Женщину, которая теперь спит под пологом его кровати.

Зеркала предъявили множество копий высокого мужчины в алом халате. Лицо его было неясным, но после стольких лет ему едва ли требовалось напоминание о его уродстве.

И все же Джозеф не мог избавиться от привычки заполнять спальню зеркалами. Он начал это еще в юности, когда его самые язвительные любовницы насмеялись над его уродством, пока он забывался в пароксизме страсти. Тогда он поклялся, что ни одна женщина больше не увидит его таким уязвимым. Позже он нашел иные способы отвлекать своих любовниц, но к

тому времени уже начал получать мрачное удовольствие от постоянного напоминания о своем изуродованном лице в сравнении с красотой пылкой партнерши.

Меррик не мог понять, почему его шрамы не пугают Сидони? А должны бы, черт возьми! Даже люди, знающие его давно, не могут смотреть на него спокойно. С самого детства шрамы сделали из него парию, нечто отвратительное, чего следует избегать. Странно, что на эту очаровательную девственницу его безобразие не произвело привычного впечатления.

Сквозняк вынудил его войти. Он тихо прикрыл дверь. Сидони не пошевелилась. Удивительно, как спокойно она чувствует себя в его постели. Спит доверчиво, как ребенок в детской.

Он медленно приблизился к ней. Настало время поднять ставки в их состязании. После чудесных утренних поцелуев он отступил, давая ей возможность перевести дух. Мало-помалу Сидони перестала подпрыгивать, как ошпаренная кошка, всякий раз как он оказывался рядом.

Его игра в результате вылилась в приятное времяпрепровождение. Беседа была не тем, чего он обычно хотел от женщины. Он хотел одного и только одного – мгновения полного забвения, когда он погружается в мягкое теплое тело. Но в этом, как и во всем остальном, мисс Форсайт спутала ему карты.

Меррик, не отрываясь, смотрел на нее, свернувшуюся клубочком в его постели в бледно-пальевом пеньюаре. Ночь была холодной, но он не настолько наивен, чтобы полагать, будто именно поэтому она легла одетой. Нет, глупая красавица думает, что бархат защитит ее.

Джозеф осторожно стащил свой халат с плеч. Обычно он спал голым, но в качестве уступки ее скромности надел рубашку и шелковые брюки. Он задул свечу и потихоньку забрался под одеяло, стараясь не дотронуться до нее.

– Джозеф? – пробормотала она, повернувшись в его сторону.

Сердце Меррика екнуло от ее готовности принять его присутствие. От звука своего имени, произнесенного этим сонным голоском, он сделался твердым как камень. Глаза ее оставались закрытыми, а сочные губы мягко изогнулись. Будь он романтиком, то мог бы вообразить, будто она счастлива, что он рядом. По крайней мере, мисс Форсайт не вскочила с воплями.

Сидони пробормотала еще что-то сонно-вопросительное, и под шум проливного дождя за окнами он услышал, как зашуршали простыни, когда она пошевелилась. Звук был восхитительно чувственным, напоминающим скольжение кожи по коже.

Джозеф напрягся, ожидая, что она пошлет его к чертям, но она снова погрузилась в сон. Быть может, и его приход ей приснился? Он надеялся, что это так. Более того, он надеялся, что сон этот был приятным.

Закрыв глаза, Джозеф призвал свой сон. Прошлой ночью ему почти не удалось поспать, а сегодняшняя лихорадка сдерживаемого желания совсем его измотала. К несчастью, сон не шел к нему. Близость Сидони терзала. Легкий нежный запах. Намек на жар, заполняющий тщательно рассчитанное пространство между ними. Осознание, что если он чуть пошевелит рукой, то дотронется до нее.

Губы его искривились в улыбке, когда он устремил взгляд в зеркало наверху. Это будет длинная ночь...

Сидони неохотно выбиралась из чудесного сна, наполненного теплом и безопасностью. Да поможет ей бог, она лежала, прильнув к Меррику, словно это единственное на свете место, где ей хотелось бы находиться. Рука его лежала на ней, обнимая. Сердце Сидони от страха совершило кульбит – от дремотной вялости не осталось и следа. Как могла она так спокойно, так мирно спать рядом со своим учителем?!

Впрочем, надо радоваться, что он спит, и ничего больше. Определенно следует быть признательной и за то, что он не голый. Меррик растянулся на спине, а она лежала у него на груди, и тонкий батист рубашки был единственной преградой между ее щекой и его кожей.

Рассвет только-только наступил. Слабый свет окаймлял задернутые портьеры золотом. За ночь непогода, должно быть, стихла.

Ее первым побуждением было бежать, покуда Меррик не проснулся и не обнаружил, что она так удобно расположилась для соблазнения. Сидони напряглась, чтобы высвободиться из его объятий, но потом взглянула на его лицо, и любопытство, даже более сильное, чем страх, овладело ею. Не сдвигая обнимающей руки, она медленно приподнялась, чтобы видеть его грудь и лицо. Понаблюдать за ним без его ведома было настоящей роскошью.

Сидони знала: как и большинство людей, во сне он выглядит уязвимым.

Но оказалось не так.

Угловатые скулы оставались резкими. Любой, кто увидел бы эти решительные черты, счел бы их обладателя не иначе как разбойником. Темная утренняя щетина на скулах и подбородке усиливала это впечатление.

И его шрамы.

Отпечаток зла, которое Сидони просто не в силах была постичь. Больно было смотреть на эти следы страданий. Она посочувствовала бы любому раненому существу, но с Мерриком ее реакция была более личной, чем просто сострадание, сильнее, чем негодование. Слухи умалчивали о том, где произошло нападение. По тому, что он вчера сказал, она догадалась, что в юности он путешествовал вместе со своим ученым отцом. Быть может, он получил свои увечья в каком-нибудь глухом переулке Неаполя или Кадиса?

В безмолвном утешении она положила руку ему на грудь, которая под ее ладонью вздымалась и опадала с каждым его медленным вздохом. Такая поза создавала головокружительную интимность. Интимность, которая подрывала оборону находящейся в осаде девственницы.

Волей-неволей взор ее скользнул к его рту. Расслабленный, он выражал абсолютную чувственность. Неудивительно. С первого же взгляда на него, вальяжно развалившегося, как большой кот, в своем массивном кресле и попивающего вино, она распознала в нем мужчину, высоко ценящего физическое удовольствие. Незнакомая тяжесть угнездилась в животе, когда она представила, как он сосредоточится на ней, когда придет время.

Если оно придет...

Святые небеса! Неужели она уже допускает его победу? Но она не может ему уступить. Дело ведь не только в риске потерять девственность, хотя ей совсем не хотелось допустить обнаружения ее грехов светом или зачатия ребенка вне брачных уз. Куда сильнее убежденность, что, если она капитулирует, это подорвет все то, что поддерживало ее последние трудные годы и должно было привести к самостоятельному плодотворному будущему.

Ресницы Меррика лежали веерами – черные, как и волосы, упавшие на высокий лоб. Сидони сдержала желание отвести эти мягкие пряди с лица. Когда он бодрствовал, она была слишком занята борьбой с ним, чтобы проявлять такую нежность. Сейчас же, в это раннее тихое утро, ей ужасно хотелось показать ему, что жизнь предлагает не только жестокость.

Страстное желание облегчить его боль заставило Сидони призадуматься. Он делает все, чтобы погубить ее. Он интриговал, чтоб заманить Роберту в ловушку скандала и позора.

Он... Он самый удивительный, самый обаятельный из всех знакомых ей мужчин. Он слушал ее с вниманием, которое было бальзамом для души. Он дал ей одним глазком увидеть мир, который она мечтала открыть. Он смешил ее. Он целовал ее так, словно скорее умрет, чем остановится.

Эта слабость по отношению к своему противнику была куда более пугающей, чем пробуждение в его объятиях. Сидони прикрыла глаза и обратила молитву к небесам не дать сердцу смягчиться.

Когда же она вновь посмотрела на Меррика, он наблюдал за ней с напряженностью, заставившей ее затрепетать. Выражение его лица было незащищенным, как никогда прежде. Она мимолетно увидела в затуманенных глазах острую тоску сродни ее собственной. Во сне он

не выглядел моложе, но казался намного моложе сейчас. Губы его изогнулись в приветливой улыбке, которая пронзила ей сердце.

А потом в мгновение ока все изменилось.

Мягкость испарилась, словно никогда и не существовала. Она прочла недвусмысленное неприятие того, что он увидел на ее лице. Должно быть, она гладела на него со щенячьим обожанием. Какой смысл теперь отрицать? Стыд свинцовой тяжестью буквально придавил ее.

Сидони отшатнулась. Его рука сжалась, не дав ей сбежать. В то же время он быстро сдвинулся в сторону, чтобы полог кровати спрятал его лицо в тени. Утренний свет больше не падал на его шрамы. Это движение было таким резким, что тряхнуло кровать.

Боже милостивый...

Ее смущение испарилось. Обычно Меррик выставлял напоказ свои шрамы, не давая никому возможности посочувствовать его уродству. Этим же утром у него не было времени прикрыться своим привычным щитом от любопытства и отвращения. С упавшим сердцем Сидони осознала, что, несмотря на всю эту браваду, он ненавидит свои шрамы. Ненавидит всей душой.

Он не допустит жалости к себе – она опустила глаза. И все же их защищало от слез. Глупая, ах, какая же она глупая! Как трудно подавить горячее желание заключить его в объятия и предложить утешение от целой жизни страданий. Безумное, опасное желание.

– Должно быть, я теряю сноровку. Осквернив чистоту твоей постели, я был уверен, что ты завопишь что есть мочи, – проговорил он со знакомой издевкой, наконец посмотрев ей в глаза.

Но после того мига откровения, когда он так резко отшатнулся, Сидони знала, что его небрежная манера – защитный механизм. Прекрасная улыбка, которой он одарил ее при пробуждении, превратилась в насмешливую. Пусть она тысячу раз дура, но не могла она не пожалеть об этой перемене, даже когда тело ее одеревенело.

– Ты никогда не заставишь меня кричать, – отозвалась она с суровостью, которой отнюдь не чувствовала.

Меррик обрадовался, но мисс Форсайт не поняла чему.

– Не будь так уверена, bella.

Снова он взялся за старое. По крайней мере, его насмешки напомнили ей о том, чем она рискует в этой постели. Когда Сидони согласилась спасти Роберту, она воображала сотни опасностей. Принуждение. Насилие. Жестокость. Но она и представить себе не могла, что самым большим риском будет раненая душа хозяина замка Крейвен.

– Что ты здесь делаешь? – Она старалась говорить ровным голосом.

– А разве это не очевидно?

После этих слов впечатление о приятном утре было испорчено. На этот раз она приняла более решительную попытку высвободиться, но Меррик с возмутительной легкостью опрокинул ее на спину.

– Отпусти, – прошипела Сидони сквозь онемевшие губы. Сердце лихорадочно колотилось от паники и гнева главным образом на себя. Ну почему она не улизнула до того, как он проснулся?

Твердо держа ее одной рукой за талию, Джозеф приподнялся и другой рукой обхватил Сидони за затылок, удерживая, чтобы как следует рассмотреть.

– Ни за что на свете.

Разрази его гром! Как бы ей хотелось, чтобы он не говорил таких опрометчивых слов. Будь она хоть чуточку глупее, могла бы принять их всерьез. И что бы тогда с нею стало? Страх сдавил горло. Не хватало только покинуть замок Крейвен не только опозоренной, но и с разбитым сердцем. Нет, она должна уйти отсюда нетронутой и не запятнанной скандалом, твердо напомнила себе Сидони. Осталось только поверить в это.

– Это не входит в наш договор.

Хотелось бы ей набраться силы воли и настоять на том, чтобы он отпустил ее. Если она станет кипеть от злости из-за этих игр – и она кипит, черт бы его побрал! – но остается эта проклятая непрошенная нежность. Ничем не стереть из памяти его потрясение и испуг, когда он проснулся и обнаружил, что она разглядывает его. Сидони подозревала, что он мучает ее сейчас, чтобы не дать задуматься над тем моментом откровения.

Окружив ее своим мужским запахом, он склонился ближе. Она молила о самообладании, о здравомыслии и – да поможет ей бог в ее несбыточном желании – о спасении.

– Наверняка здесь есть еще одна спальня.

Меррик улыбнулся так, что заставил Сидони гадать, уж не догадывается ли он, какая борьба происходит у нее внутри.

– Пригодна для обитания только эта. Я же не собирался устраивать загородный прием, *tesoro*. Я планировал неделю плотских радостей с любовницей.

Она оцепенела, когда он лениво пропустил ее волосы сквозь пальцы и помассировал затылок. Ощущения разбегались, как круги на воде.

– В первую ночь ты же где-то спал.

– Койка в гардеробной не предназначена для мужчины шести футов роста. Будь я проклят, если позволю тебе снова меня туда сослать.

– Быть может, я могла бы спать там? – проговорила она с фальшивой любезностью.

К удивлению, губы его дернулись.

– Зачем ты бросаешь мне вызов, когда знаешь, что я не могу против него устоять?

– Я тебя совсем не знаю, – возразила Сидони, чтобы напомнить себе, а также поставить его на место. Желание прильнуть к его ласкающей руке становилось почти нестерпимым.

– Тогда почему я чувствую, что ты считаешь каждый удар моего сердца?

Трудно было сказать, говорит ли он это серьезно. Если б только она могла понимать каждую его мысль. Знала она лишь то, что столь же околдована, сколь и напугана. А то, чего не знала, оставляло ее дрейфовать в океане непрошеного желания.

– Прекрати играть со мной, Меррик.

– Стало быть, не хочешь продолжать прелюдию? – Он склонился над ней, вдавливая в матрац своим большим телом.

Она заерзала, но не сдвинула его.

– Я хочу, чтобы ты отпустил меня.

– Нет, не хочешь.

Беда в том, что в глубине души она и вправду не хотела, но еще не настолько подпала под его чары, чтобы забыть, что поставлено на карту. Она положила руку ему на грудь, не давая приблизиться еще больше.

– Прекрати, Меррик.

– Джозеф.

Сидони силилась сохранить контроль над реальностью.

– Порочный, лживый, распущенный, коварный, интригующий, беспринципный негодяй.

– Скажи это так, будто действительно так думаешь. – Он прижался к ее сдерживающей руке и завладел губами. В этот раз удивление не парализовало Сидони. И она была уже не та невинность, которую его поцелуи лишали дара речи. Она познала удовольствие, вызванное малейшим прикосновением.

Ладонь его, лежащая на затылке, расслабилась. Рука на талии скорее обнимала, чем удерживала. На один запретный миг она прильнула к нему, как выюнок, а после прервала поцелуи и извивалась, пока нога ее не коснулась пола.

Он схватил ее за руку.

– Не уходи, Сидони! Тебе ничто не угрожает. Я просто хочу поцеловать тебя.

Она бросила на него скептический взгляд и встала, задрожав от утреннего холода.

– И почему я тебе не верю?

– Потому что прискорбно недоверчива. – Он помолчал. – И потому что ты умная женщина.

Он погладил чувствительную кожу запястья. От этого ленивого поглаживания у нее подвело живот, хотя она и понимала, что он пытается всеми правдами и неправдами вернуть ее в свои объятия.

– Если б я была умной, то бежала бы без оглядки, как только увидела, что ты забрался под одеяло.

Он сел, рубашка его провисла, обнажая крепкое плечо. От зрелища гладкой загорелой кожи у Сидони пересохло во рту. Такой контраст с его обезображенным лицом! Поначалу она не считала его красивым, даже если не обращать внимания на шрамы. Но с каждым часом его физическая привлекательность возрастала. Сейчас ей казалось, что слово «красивый» слишком банально. Дурочка несчастная! Она обнаружила в себе пристрастие к темному, опасному и ушербному.

Встревоженная, смятенная – а ведь он едва прикоснулся к ней, – Сидони гадала, что случилось с той решительной женщиной, которая прибыла в замок Крейвен, чтобы противостоять монстру? Прошло всего два дня, и до той женщины уже не дотянуться.

– Всего один поцелуй, Сидони. Это цена свободы. – Голос Джозефа звучал искренне, не как у того дьявольского соблазителя, чьи сверкающие серебром глаза бросали ей вызов.

Потрясение парализовало ее. Казалось, это слишком хорошо, чтобы быть правдой. Она сможет уехать с расписками Роберты, почти такая же невинная, как и прибыла. Да вот только наряду с потрясением и облегчением она испытала легкий укол возмутительного, неприемлемого, неоспоримого разочарования.

– Ты отпустишь меня назад в Барстоу-холл?

Он нахмурился и отпустил ее руку.

– С ума сошла? Мы так не договаривались.

– А, договор... – прошептала она одними губами.

– И никакого увивания, заметь. Искренний энтузиазм.

Один поцелуй казался малой ценой за то, чтобы сбежать из этой комнаты, которая изобилует обещаниями интимности.

– А как мы измерим твое удовлетворение?

Его глаза блеснули, и он прилег на сбитые простыни с раздражающей уверенностью.

– Bella, я не жду удовлетворения, – промурлыкал он. – Всего лишь ласковый утренний поцелуй. Ничего такого, что оставило бы на тебе шрамы до конца жизни.

Он сказал «шрамы», чтобы подчеркнуть свое уродство, но она уже давно миновала ту стадию, когда воспринимала его шрамы как-то иначе, чем большое несчастье.

– Говори за себя, – пробормотала Сидони, осторожно вставая коленями на кровать. Матрац прогнулся, она покачнулась и вынуждена была опереться рукой о его грудь для равновесия. Жар так и зашипел от этого соприкосновения, и сердце ее застучало как молот. Его брови приподнялись в безмолвной насмешке, когда она отдернула руку.

Сидони затрепетала, когда он провел рукой по ее волосам. Пальцы задержались на груди, прежде чем он убрал руку. Соски ее напряглись до покалывающей твердости.

– Доброе утро, Сидони, – проговорил он с нежностью, которой она не доверяла.

Нежность – непобедимый враг. Наплыв чувств этим утром продемонстрировал эту истину. Она не могла отрицать влечения, не могла отрицать его уязвимости. Как и соблазна, неохотно призналась она себе, отмечая ленивый свет в его глазах.

Джозеф отпустил ее волосы и сцепил руки за головой, натянув крепкие мускулы рук и груди. Он походил на сонного пашу, рассматривающего свой ночной выбор из гарема. Несколько электризирующих мгновений они глядели друг на друга. Сидони ждала в напряжен-

ном ожидании. Он, казалось, наслаждался, наблюдая, как минуты убывают, как пузырьки во вчерашнем кларете. Она прочла в его глазах ожидание, но не больше. Он поднял мост против вторжения в свою душу. Ясный дневной свет оказался менее откровенным, чем предрассветные тени.

## **Конец ознакомительного фрагмента.**

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.